

андерсен

Снежная
королева
и другие сказки

Народна младеж

Scan: skiv

андерсен

Снежная
королева
и другие сказки

ПЕРЕВОД С ДАТСКОГО А. ГАНЗЕНА

иллюстрации
Бенвенути

Народна младеж

СОФИЯ 1965

В Китае, как ты знаешь, и сам император и все его подданные — китайцы. Дело было давно, но потому-то и стоит о нем рассказать, пока оно не забудется совсем!

В целом мире не нашлось бы дворца роскошнее императорского; он весь был из тончайшего драгоценного фарфора, такого хрупкого что страшно было до него дотронуться. В саду росли чудесные цветы, и к самым красивым из них были привязанные серебряные колокольчики: звон их должен был привлекать внимание прохожих к этим цветам. Вот как тонко было все придумано в императорском саду! Он тянулся так далеко, так далеко, что и сам сановник не знал, где он кончается. А за садом простирался прекрасный лес с высокими деревьями и глубокими озерами. Лес доходил до самого синего моря, и корабли проплывали под нависшими над водой ветвями. Тут же на берегу жил соловей, который пел так чудесно, что даже бедный, удрученный заботами рыбак заслушивался им и забывал о своем неводе. „Господи, как хорошо!“ — восклицал он, потом вновь принимался за свое дело, забыв о соловье, чтобы с приходом ночи снова слушать его дивное пение и повторять: „Господи, как хорошо!“

Со всех концов света стекались в столицу императора путешественники; все они любовались дворцом и садом, но услышав соловья, говорили: „Вот это прекрасней всего!“

Возвращаясь домой, путешественники рассказывали обо всем, что

им довелось увидеть; ученые описывали в книгах столицу, дворец и сад императора, но не забывали упомянуть и о соловье и даже превозносили его больше всего прочего; и поэты в чудесных стихах воспевали соловья, живущего в лесу, у синего моря.

Их книги расходились по всему свету, и некоторые из них попали в руки самого императора. Восседавая в своем золотом кресле, он все читал и читал их, поминутно кивая головой, — ему были очень приятны эти похвалы его столице, дворцу и саду.

„Но самое изумительное — это соловей!“ — говорилось в книгах.

— Что такое? — удивился император, прочитав это. — Соловей? А я его и не знаю! Как же так? В моем государстве, и даже в моем собственном саду, живет такая птица, а я о ней и не слыхивал! Удалось узнать о ней только из книги!

И он позвал к себе первого из своих приближенных, а тот был так спесив, что когда кто-нибудь из ниже его стоящих осмеливался заговорить с ним или спросить его о чем-нибудь, он отвечал только: „Пф!“, хотя это ровно ничего не значит.

— Оказывается, у нас здесь есть замечательная птица, которая называется „соловей“. Ее считают главной достопримечательностью моего великого государства! — проговорил император. — Почему же мне ни разу не доложили о ней?

— Я о ней ни разу не слышал! — ответил первый приближенный. — Она не была представлена ко двору.

— Я желаю, чтобы она была здесь и пела мне сегодня же вечером! — сказал император. — Весь свет знает, какое у меня есть сокровище, а сам я этого не знаю!

— Я и не слыхивал об этой птице! — повторил первый приближенный. — Но буду искать и найду ее.

Легко сказать! А где ее найдешь?

И вот первый приближенный императора принялся бегать вверх и вниз по лестницам, по залам и коридорам, но ни один из тех, к кому он обращался с расспросами, и не слыхивал о соловье. Наконец, первый приближенный вернулся к императору и доложил, что соловья, должно быть, выдумали сочинители — те, что книжки пишут.

— Ваше величество, вы не должны верить всему, что пишут в книгах! Все это выдумки, нечто вроде черной магии!

— Но ведь эту книгу мне прислал сам могущественный японский император, и в ней не может быть неправды! — возразил император — Я хочу слушать соловья! Он должен быть здесь сегодня же вечером, я объявляю ему мое высочайшее благоволение! Если же его здесь не окажется в назначенное время, то я прикажу

бить всех придворных палками по животу, после того как они поужинают!

— Слушаю-с, — проговорил первый приближенный и опять забегал вверх и вниз по лестницам, по коридорам и залам. С ним вместе носилась и добрая половина придворных, — никому ведь не хотелось отведать палок. У всех на языке был только один вопрос: что это за соловей, которого знает весь свет, а при дворе никто не знает.

Наконец, отыскали на кухне одну бедную девочку, которая сказала:

— Господи! Да как же не знать соловья! Вот уж поет-то! Вечером мне позволяют носить моей бедной маме остатки от обеда. Живет мама у самого моря, и вот всякий раз, как на обратном пути сажусь отдохнуть в лесу, я слышу пение соловья. Мне тогда хочется плакать, а на душе так радостно, словно мама целует меня!..

— Кухарочка! — сказал ей первый приближенный. — Я назначу тебя на штатную должность при кухне и выхлопочу тебе разрешение посмотреть, как кушает император, если только ты сведешь нас к соловью. От получит приглашение явиться во дворец сегодня вечером.

И вот все направились в лес, к тому месту, где обычно пел соловей. Чуть не половина придворных двинулась туда. Шли-шли, вдруг где-то замычала корова.

— О! воскликнули молодые придворные. — Вот он! Какой, однако, сильный голос! И у такого маленького существа! Но мы, бесспорно, слышали его раньше.

— Это мычат коровы, — сказала девочка. — Нам еще далеко идти, Немного погода в болоте заквакали лягушки.

— Изумительно! — вскричал придворный проповедник. — Теперь я слышу! Точь-в-точь колокольчик в молельне.

— Нет это лягушки! — возразила девочка. — Но теперь мы, наверное, скоро услышим его.

И, наконец, запел соловей.

— Вот это соловей! — сказала девочка. — Слушайте, слушайте! А вот и он сам! — И она показала пальчиком на маленькую серенькую птичку, сидевшую высоко в ветвях.

— Неужели этот? — удивился первый приближенный. — Вот уж не ожидал, что он такой! Какой невзрачный! Очевидно все его краски полиняли, едва он увидел столько знатных особ!

— Соловушка! — громко закричала девочка. — Наш милостивый император желает тебя послушать!

— Очень рад! — откликнулся соловей и запел так, что все диву дались.

— Словно стеклянные колокольчики звенят! — сказал первый приближенный. — Глядите, как трепещет его горлышко! Удивительно, что мы до сего времени ни разу его не слышали. Он будет иметь большой успех при дворе.

— Хочет ли император, чтобы я продолжал? — спросил соловей: он думал, что император тоже пришел его послушать.

— Несравненный соловушка! — ответил первый приближенный императора. — На меня возложено приятное поручение пригласить вас сегодня вечером на состоявшийся придворный праздник. Не сомневаюсь, очаруете всех своим дивным пением.

— Пение мое гораздо приятнее слушать в зеленом лесу! — сказал соловей, но, узнав, что император пригласил его во дворец, охотно согласился отправиться туда.

При дворе шли приготовления к празднику. Фарфоровые стены и пол сверкали, отражая свет бесчисленных золотых фонариков; в коридорах были расставлены рядами великолепные цветы, увешенные колокольчиками, которые от всей этой беготни и сквозняков звенели так, что людям трудно было расслышать свои собственные слова.

Посреди огромного зала, в котором сидел император, водрузили золотой шест для соловья. Все придворные были в сборе; позволили стать в дверях и кухарочке, — она ведь теперь получила звание придворной поварихи. Все были разодеты в пух и прах и глаз не сводили с маленькой серенькой птички, которой император милостиво кивнул головой.

И вот соловей запел, да так дивно, что у императора слезы выступили на глазах. Вот они покатались по щекам, а соловей залился еще более звонкой и сладостной песней, она так и хватала за сердце. Император пришел в восторг и сказал, что жалуется соловью свою золотую туплю на шею. Но соловей поблагодарил и отказался, объяснив, что достаточно вознагражден.

— Я видел на глазах императора слезы, — какой еще награды мне желать! В слезах императора дивная сила. Видит бог, я вознагражден с избытком!

И опять зазвучал его волшебный, сладостный голос.

— Вот что нужно для успеха! — зашептали придворные дамы и принялись набирать в рот воды, чтобы она булькала у них в горле, когда они станут с кем-нибудь разговаривать. Так они надеялись уподобиться соловью. Даже слуги и служанки дали понять, что получили большое удовлетворение, а это ведь много значит: известно, что этим особам угодить труднее всего. Да, соловей, несомненно, имел успех.

Ему приказали остаться при дворе, поселили его в особой клетке

и приставили к нему двенадцать слуг, а гулять разрешили два раза в день и раз ночью, причем каждый слуга крепко держал его за привязанную к лапке шелковую ленточку. Мало радости в таких прогулках!

Весь город говорил об удивительной птичке, и если встречались на улице двое знакомых, один сейчас же говорил: „соло“, а другой подхватывал „вей!“, после чего оба вздыхали, сразу поняв друг друга.

Больше того, одиннадцать сыновей мелочных лавочников получили имя Соловей в честь императорского соловья, хотя ни у кого из них не было признака голоса.

Как-то раз императору доставили посылку с надписью: „Соловей“.

— Ну вот еще новая книга о нашей знаменитой птичке! — сказал император.

Но то была не книга, а затейливая вещица: в небольшой коробке лежал искусственный соловей, очень похожий на живого, но весь осыпанный бриллиантами, рубинами и сапфирами. Стоило его завести, и он начинал петь одну из тех песенок, которые пел живой соловей, и поводить хвостиком, отливающим золотом и серебром. На шее у этой птички была ленточка с надписью: „Соловей императора японского жалок в сравнении с соловьем императора китайского“.

— Какая прелесть! — воскликнули все придворные.

Искусственного соловья привез посланец японского императора, и этого человека немедленно утвердили в звании „чрезвычайного императорского поставщика соловьев“.

— Теперь пусть-ка споют вместе. Вот будет дуэт!

Но дело не пошло на лад: живой соловей пел по-своему, а искусственный — как заведенная шарманка.

— Это не его вина! — сказал придворный капельмейстер. — Он безукоризненно держит такт и поет по моей методе.

Тогда искусственного соловья заставили петь одного. Он имел такой же успех, как и живой соловей, но был гораздо красивее, весь сверкал, как браслет или брошка.

Тридцать три раза пропел он одну и ту же песню и не устал. Все охотно послушали бы его еще разок, да император нашел, что надо бы спеть и живому соловью... Но куда же он девался?

Никто и не заметил, как он вылетел в открытое окно и улетел в свой зеленый лес.

— Ну что же это такое! — огорчился император; а придворные обозвали соловья неблагодарной тварью.

— К счастью, лучшая из этих двух птиц осталась у нас, — говорили они.

И вот искусственному соловью пришлось спеть все ту же песню в тридцать четвертый раз, Никто, однако, не сумел запомнить ее мелодию, такая она была трудная. Капельмейстер расхваливал искусственную птичку, уверяя, что она даже превосходит живую, — и не только нарядом и драгоценностями, но и внутренними своими достоинствами.

— Что касается живого соловья, высокий повелитель мой, и вы, милостивые господа, то никогда ведь нельзя знать заранее, что именно он споет. А у искусственного все известно наперед, и можно даже отдать себе полный отчет в его искусстве. Этого соловья можно разобрать и показать его внутреннее устройство, — она плод человеческого ума; можно показать расположение и действие валиков и все, все!

— Я сам того же мнения! — заявил каждый из присутствующих, и капельмейстеру разрешили в следующее же воскресенье показать птицу народу.

— Надо и народу послушать ее! — сказал император.

Народ послушал и был так же доволен, как если бы вдосталь напился чаю. Все пришли в восторг и в один голос кричали „о!“, поднимая указательный палец и кивая головой. Но бедные рыбаки, слышавшие живого соловья, говорили про искусственного:

— Недурно поет, и песни его похожи на песни живого, а все-таки — не то! Чего-то недостает в его пении, чего — мы и сами не знаем!

Живого соловья объявили изгнанным из пределов государства.

Искусственного соловья поместили на шелковой подушке возле императорской кровати, а вокруг него разложили все пожалованные ему подарки, золото и драгоценные камни. Величали его теперь так: „Императорского ночного столика первый певец с левой стороны“, — так как император считал более важной ту сторону, на которой находится сердце, а сердце даже у императора помещается слева. Капельмейстер написал труд в двадцать пять томов об искусственном соловье; книги были очень толстые и пересыпаны множеством мудреных китайских слов, поэтому придворные уверяли, что прочли и поняли все, что там написано, — иначе их сочли бы за дураков и отколотили бы палками по животу.

Прошел целый год; император, весь двор и даже весь народ знали наизусть каждую нотку искусственного соловья; потому-то им так и нравилось его пение: теперь все они сами могли подпевать птичке и подпевали. Уличные мальчишки пели: „Ци-ци-ци! Клюк-

клюк-клюк!“, и им вторил сам император. Не правда ли что за прелесть!

Но как-то раз вечером искусственная птичка только что распелась перед императором, лежавшим в постели, как вдруг внутри у нее что-то зашипело, зажужжало, потом колесики завертелись, потом лопнула какая-то пружинка — и музыка смолкла.

Император соскочил с кровати и послал за придворным медиком. Но что тут мог поделаться медик?! Призвали часовщика, который после долгих разговоров и осмотров кое-как исправил птичку но сказал, что с ней надо обходиться крайне бережно: зубчики в ее нутре поистерлись, а заменить их новыми так, чтобы музыка звучала попрежнему, невозможно. Вот так горе! Часовщик разрешил заводить птичку только раз в год. И это было очень грустно, но капельмейстер произнес речь, хотя и краткую, зато полную мудрых слов, и в этой речи доказал, что искусственный соловей ничуть не изменился к худшему. Значит, так оно и было.

Прошло еще пять лет, и страну постигло большое горе: все так любили императора, а он, по слухам, был при смерти. Уже все избрали преемника, а народ все еще толпился у дворца и спрашивал первого императорского приближенного о здоровье своего старого повелителя.

— Пф! — отвечал приближенный, покачивая головой.

Бледный, похолодевший лежал император на своем великолепном ложе. Все придворные считали его умершим, и каждый уже спешил поклониться новому императору. Слуги выбегали посудачить о новостях, а служанки проводили время в болтовне за чашкой чая. По всем залам и коридорам были разостланы ковры, чтобы приглушить шум шагов, и во дворце стояла мертвая тишина. Но император еще не умер, хоть и лежал неподвижный и бледный на своем великолепном ложе, под бархатным с золотыми кистями пологом. Месяц светил в раскрытое окно и на императора и на искусственного соловья.

Больному императору трудно было дышать, — ему казалось что кто-то сидит у него на груди. И вот он открыл глаза и увидел, что это Смерть. Она надела себе на голову императорскую корону, взяла в одну руку его золотую саблю, а в другую роскошное знамя. Из складок бархатного полога высывались какие-то странные головы: одни с кроткими и ласковыми лицами, другие с отвратительными. То были злые и добрые дела императора, смотревшие на него в то время, как Смерть сидела у него на сердце.

— Помнишь это? — шептали они попеременно. — А это помнишь? — и рассказывали ему о многом таком, отчего на лбу у него выступал холодный пот.

— Я совсем не знал об этом! — говорил император. — Музыку сюда, музыку! Большой барабан! Чтобы я не слышал их слов!

— Но они не унимались, а Смерть подтверждала их слова кивками.

— Музыку сюда, музыку! — кричал император. — Пой хоть ты, золотая птичка! Я одарил тебя золотом и драгоценностями, я пове-сил тебе на шею свою золотую туфлю, так пой же пой!

Но птичка молчала, некому было ее завести, а без завода она петь не могла, В глубокой тишине Смерть все смотрела на импера-тора своими большими пустыми глазницами, а в комнате было так угрожающе тихо!

Но вот за окном послышалось дивное пение. Маленький живой соловей сидел там на ветке и пел. Узнав о болезни императора, он прилетел, чтобы утешить и ободрить его. Он пел, а призраки, об-ступившие умирающего императора, стали тускнеть, и в ослабевшем теле императора кровь потекла быстрее; сама Смерть заслушалась соловья и все повторяла: „Пой, пой еще соловушка!“

— А ты отдашь мне за это драгоценную золотую саблю и рос-кошное знамя? Отдашь корону императора?

И Смерть стала отдавать ему одну драгоценность за другой, а соловей все пел и пел. Вот он запел о тихом кладбище, где цветут белые розы, благоухает бузина и живые, оплакивающие усопших, орошают слезами свежую траву... Смерть вдруг так затосковала по своему саду, что превратилась в клок белого холодного тумана и вылетела в окно.

— Спасибо, спасибо тебе, милая птичка! — проговорил импера-тор. — Я хорошо тебя помню! Я изгнал тебя из моего государства, а ты отогнала от моей постели ужасные призраки, отогнала даже Смерть! Чем мне тебя вознаградить?

— Ты уже вознаградил меня раз и навсегда! — ответил соло-вей. — Когда я в первый раз пел тебе, я видел слезы на твоих глазах, и этого мне не забыть никогда! Слезы — вот драгоценней-шая награда для сердца певца!.. А теперь засни и проснись здо-ровым и бодрым! Я буду петь для тебя.

И он запел опять, а император заснул сладким благодатным сном.

Когда же он проснулся окрепшим и здоровым, в окно светило солнце. Ни один из его слуг не заглянул к нему, полагая, что он уже умер; только соловей все еще пел за окном.

— Ты должен остаться у меня навсегда! — проговорил импе-ратор. — Ты будешь петь только тогда, когда сам этого захочешь, а искусственную птичку я разобью на тысячу кусков.

— Не надо, — сказал соловей. — Она прослужила тебе, как могла. Пускай останется у тебя. Я не могу вить гнездо во дворце,

позволь только прилетать к тебе, когда мне самому этого захочется. Тогда я каждый вечер буду садиться на ветку у твоего окна и петь тебе о счастливых и о несчастных, о добре и о зле — все это тебя окружает, но скрыто от тебя. Маленькая певчая птичка летает повсюду: залетает и к бедному рыбаку и к крестьянину, которые живут вдали от тебя и твоего двора. Я люблю тебя за твое сердце больше, чем за твою корону, и все же корона окружена каким-то священным ореолом. Я буду прилетать и петь тебе! Но обещай мне кое-что!

— Все, что хочешь! — сказал император и встал величественный, как встарь, — он успел облачиться в свое императорское одеяние и прижимал к сердцу тяжелую золотую саблю.

— Об одном я прошу, — сказал соловей, — никому не говори, что у тебя есть маленькая птичка, которая рассказывает тебе обо всем на свете. Так будет лучше!

И соловей улетел.

Слуги вошли поглядеть на мертвого императора, и застыли на пороге. А император сказал им:

— С добрым утром!

Оле-Лукойе

Никто на свете не знает столько сказок, сколько знает их Оле-Лукойе.¹ Вот мастер рассказывать! Вечером, когда дети спокойно сидят за столом или на скамеечках, является Оле-Лукойе. В одних чулках он неслышно поднимается по лестнице, потом осторожно приотворяет дверь и брызжет де-

тям в глаза сладким молоком, — в руках у него маленькая спринцовка, которая выбрасывает молоко тоненькой струйкой. Тогда веки у всех начинают слипаться, и дети уж не могут разглядеть Оле, а он подкрадывается к ним сзади и начинает легонько дуть им в затылок. Подует — и детские головки поникнут. Но это не больно, — Оле-Лукойе ведь ничего плохого не замышляет, он хочет только, чтобы дети уgomонились, а утихомятся они не раньше, чем их уложишь в постель. И как только они затихнут, он начинает рассказывать им сказки.

Но вот дети заснули, и Оле-Лукойе присаживается на край кровати. Одет он прелестно — в шелковый кафтан; только нельзя сказать, какого цвета этот кафтан: он отливает то синим, то зеленым, то красным, смотря куда повернется Оле. Подмышкой он держит два зонтика. Один зонтик — тот, что с картинками, — Оле раскрывает над хорошими детьми; и им тогда всю ночь снятся увлекательные сказки. Другой зонтик — совсем простой, гладкий, и Оле раскрывает его над озорными детьми; ну, они и спят, как чурбаны,

¹Оле, закрой глазки! (датск.)

всю ночь, а утром оказывается, что они ровно ничего не видели во сне!

Вот и послушаем, как Оле-Лукойе целую неделю навещал одного маленького мальчика Яльмара и каждый вечер рассказывал ему сказки. Целых семь сказок рассказал, — в неделе ведь семь дней.

ПОНЕДЕЛЬНИК

— Так! — сказал Оле-Лукойе, уложив Яльмара в постель. — Прежде всего я принаряжу комнату!

И вот все цветы в горшках мгновенно выросли, стали большими деревьями и протянули свои длинные ветви к самому потолку: комната превратилась в чудеснейшую беседку. Ветви деревьев покрылись цветами; и ни один цветок не уступал розе в красоте и аромате, а на вкус (если бы только вы захотели его попробовать) был слаще варенья; плоды же блестели, как золотые. А еще на деревьях росли пышки, которые чуть не лопались, — так щедро они были начинены изюмом. Просто чудо! Но вдруг из ящика стола, где лежали учебники Яльмара, раздались громкие стоны.

— Что там такое? — спросил Оле-Лукойе и, подойдя к столу, выдвинул ящик.

Оказалось, что это трещала и скрипела аспидная доска: в решении написанной на ней задачи вкралась ошибка, и все цифры готовы были разбежаться кто куда; грифель, как собачонка, скакал и прыгал на своей веревочке: он горячо желал помочь делу, да не мог. Из тетради Яльмара тоже доносились жалобные стоны, и слышать их было страшно. На каждой странице этой тетради в начале каждой строки стояли рядом большие и маленькие буквы — и те и другие очень красивые. То были прописи. А возле них располагались другие, воображавшие себя столь же красивыми. Их писал сам Яльмар, и они прямо-таки валялись на проведенную карандашом линию, вместо того чтобы стоять на ней прямо.

— Вот как надо держаться! — учила пропись. Вот так, с легким наклоном вправо!

— Ах, мы бы и рады, — отвечали буквы Яльмара — да не умеем! Мы такие убогие!

— Так вас надо немножко подтянуть! — проговорил Оле-Лукойе.

— Ах, нет, нет! — закричали буквы и сразу выпрямились, просто загляденье!

— Ну, теперь нам не до сказок! — сказал Оле-Лукойе — Будем-ка упражняться! Раз-два! Раз-два!

И он так вышколил буквы Яльмара, что они теперь стояли прямо и стройно, — так умеют стоять только буквы в прописях. Но когда Оле-Лукойе ушел и Яльмар утром проснулся, буквы снова сделались такими же кривыми, как и прежде.

ВТОРНИК

Как только Яльмар улегся, Оле-Лукойе дотронулся своей волшебной спринцовкой до мебели, и все вещи в комнате сейчас же принялись болтать друг с другом — все, кроме плевательницы; она молчала и про себя возмущалась ветреностью других вещей: ну можно ли говорить и думать только о себе да о себе, не обращая внимания на ту, что так скромно стоит в углу и позволяет в себя плевать!

Над комодом висела большая картина в золоченой раме. На ней была изображена красивая местность: высокие старые деревья, трава, цветы и широкая река, убегавшая мимо роскошных дворцов, куда-то далеко за лес, в безбрежное море.

Оле-Лукойе прикоснулся волшебной спринцовкой к картине, и вот нарисованные птицы запели, ветви деревьев зашевелились, а облака поплыли по небу; видно было даже, как скользили по картине их тени.

Затем Оле приподнял Яльмара до уровня рамы, и мальчик ступил прямо в высокую траву. Освещенные солнышком, сиявшим сквозь листву деревьев, он побежал к воде и уселся в маленькую лодку, которая покачивалась на воде у берега. Лодочка была выкрашена в красный и белый цвет, а паруса ее блестели как серебряные. Шесть лебедей, в золотых коронах, надетых на шеи, с сияющими синими звездами на головах, повлекли лодочку мимо зеленых лесов, где деревья шептали о разбойниках и ведьмах, а цветы — о прелестных маленьких эльфах и о том, что рассказали им бабочки.

Удивительные рыбы с серебристой и золотистой чешуей плыли за лодкой, ныряли и, подпрыгнув, опять с шумом шлепались в воду; красные и голубые, большие и маленькие птицы летели за Яльмаром двумя длинными вереницами, комары толклись, а майские жуки гудели: „Бум! Бум!“ Всем им хотелось проводить Яльмара, и у каждого была для него наготове сказка.

Да, это было плаванье!

Леса то густели и темнели, то становились похожими на красивые сады, освещенные солнцем и усеянные цветами. На берегах реки возвышались большие хрустальные и мраморные замки, а на балконах этих дворцов стояли принцессы, — и все они были знакомые Яльмару девочки, с которыми он часто играл, — они протягивали ему руки, и каждая держала в правой руке хорошенького сахарного поросенка, — такого редко можно купить у торговли сладостями. Яльмар, проплывая мимо, хватал поросенка, но принцесса не выпускала его из рук; поросенок переламывался, и оба получали свою часть: Яльмар — побольше, принцесса — поменьше. У всех замков стояли на часах маленькие принцы, они отдавали Яльмару честь золотыми саблями и осыпали его изюмом и оловянными солдатиками, — это явно были настоящие принцы!

Яльмар плыл через леса, какие-то огромные залы и города... Проплыл и через тот город, где жила его няня, которая нянчила его, когда он был еще малюткой, и очень любила своего питомца. И вот он увидел ее: она кивала ему, махала рукой и пела трогательную песенку, которую сама когда-то сочинила и прислала ему:

Живу я, а мысли мои все с тобой,
Мой Яльмар, мой мальчик любимый!

Ведь я целовала твой лобик крутой,
И щечки, и ротик, родимый.
Я слышала первый твой лепет, дитя,
Грустила, тебя покидая...

Птички подпевали ей, цветы приплясывали, а старые ивы кивали кронами, поддакивая Оле-Лукойе, словно он и им тоже рассказывал сказку.

СРЕДА

Ну и дождь лил! Яльмар слышал его шум даже во сне; когда же Оле-Лукойе открыл окно, оказалось, что вода стоит вровень с подоконником. Целое озеро! Зато к самому дому причалил великолепный корабль.

— Хочешь поехать, Яльмар? — спросил Оле. — Побываешь ночью в чужих краях, а к утру — опять дома!

И вот Яльмар, в воскресном платье, вдруг очутился на великолепном корабле. Погода мгновенно прояснилась, и корабль поплыл по улицам, мимо церкви, — кругом было сплошное огромное озеро. Наконец, он уплыл так далеко, что земля скрылась из виду. В поднебесье летела стая аистов; они тоже покинули родину и направились в дальние теплые края. Летели они длинной вереницей, один за другим. Аисты были в пути уже много-много дней, и один из них так утомился, что крылья почти отказывались ему служить. Он летел позади всех, потом отстал и начал опускаться все ниже и ниже. Вот он взмахнул распушенными крыльями еще раз, два, но... напрасно! Вскоре он задел за мачту корабля, скользнул по снастям и — бух! — упал прямо на палубу.

Юнга подхватил его и посадил в птичник, к индейкам, уткам и курам. Бедняга аист стоял и уныло озирался.

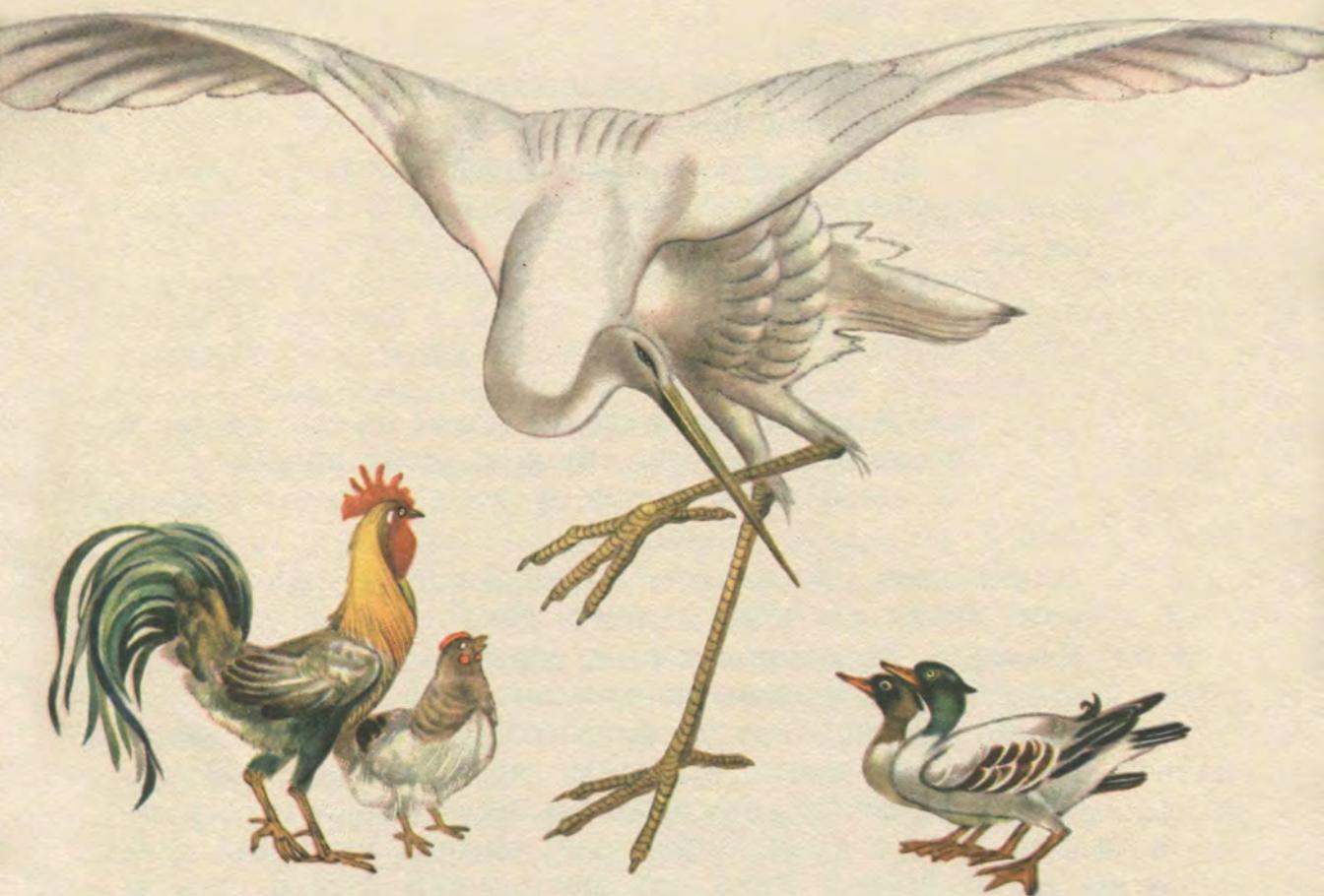
— Ишь какой! — закудахтали куры.

Индюк надулся что было силы и спросил у аиста, кто он такой, а утки пятились, толкались и крякали: „Дур-рак! Дур-рак!“

И вот аист рассказал им о жаркой Африке, о пирамидах и о страусах, которые носятся по пустыне так же быстро, как дикие лошади. Но утки ничего не поняли и опять стали подталкивать друг друга и крякать:

— Правда, он дурак?

— Конечно, дурак! — подтвердил индюк и от возмущения надулся и залопотал что-то.

Тогда аист замолк и стал думать о своей Африке.

— Какие у вас чудесные тонкие ноги! — сказал индюк. —
Почем за аршин?

— Кряк! Кряк! Кряк! — закрякали смешливые утки; но аист
как будто и не слышал ничего.

— Могли бы и вы посмеяться с нами! — сказал аисту индюк. —
А ведь хлестко я сострил! — добавил он. — Или вы шуток не
понимаете? Ну и тупоголовый! Что ж, позабавимся без него! — и
он снова залопотал что-то.

Курицы закудахтали, а утки закрякали: им было очень смешно.

Но Яльмар подошел к птичнику, открыл дверцу, поманил аиста,
и тот выпрыгнул к нему на палубу, — он уже успел отдохнуть. И
вот аист склонил перед Яльмаром голову, как бы в знак благодар-

ности, взмахнул широкими крыльями и полетел в теплые края. Куры опять закудахтали, утки закричали, а индюк так надулся, что гребешок его побагровел.

— Завтра из вас сварят суп! — сказал Яльмар и проснулся в своей кровати.

Славно они с Оле-Лукойе попутешествовали этой ночью!

ЧЕТВЕРГ

— Знаешь что? — сказал Оле-Лукойе. — Только не пугайся! Я сейчас покажу тебе мышку! — И правда, в руке у него была прехорошенькая мышка. — Она явилась пригласить тебя на свадьбу: две мышки собираются пожениться нынче ночью. Живут они под полом в кладовой твоей матери. Чудесное помещение, как говорят!

— А как же я пролезу сквозь дырочку в полу? — спросил Яльмар.

— Положись на меня! — ответил Оле-Лукойе. — Ты у меня сделаешься совсем маленьким.

И не успел он дотронуться до Яльмара своей волшебной спринцовкой, как тот вдруг стал уменьшаться, уменьшаться и, наконец, сделался совсем крошечным — ни дать ни взять мальчик-с-пальчик.

— Мундир можно будет занять у оловянного солдатика — сказал Оле-Лукойе. — Я думаю, он тебе будет впору. Как приятно быть в гостях в мундире!

— Ладно! — согласился Яльмар, и когда переоделся, стал похожим на образцового оловянного солдатика.

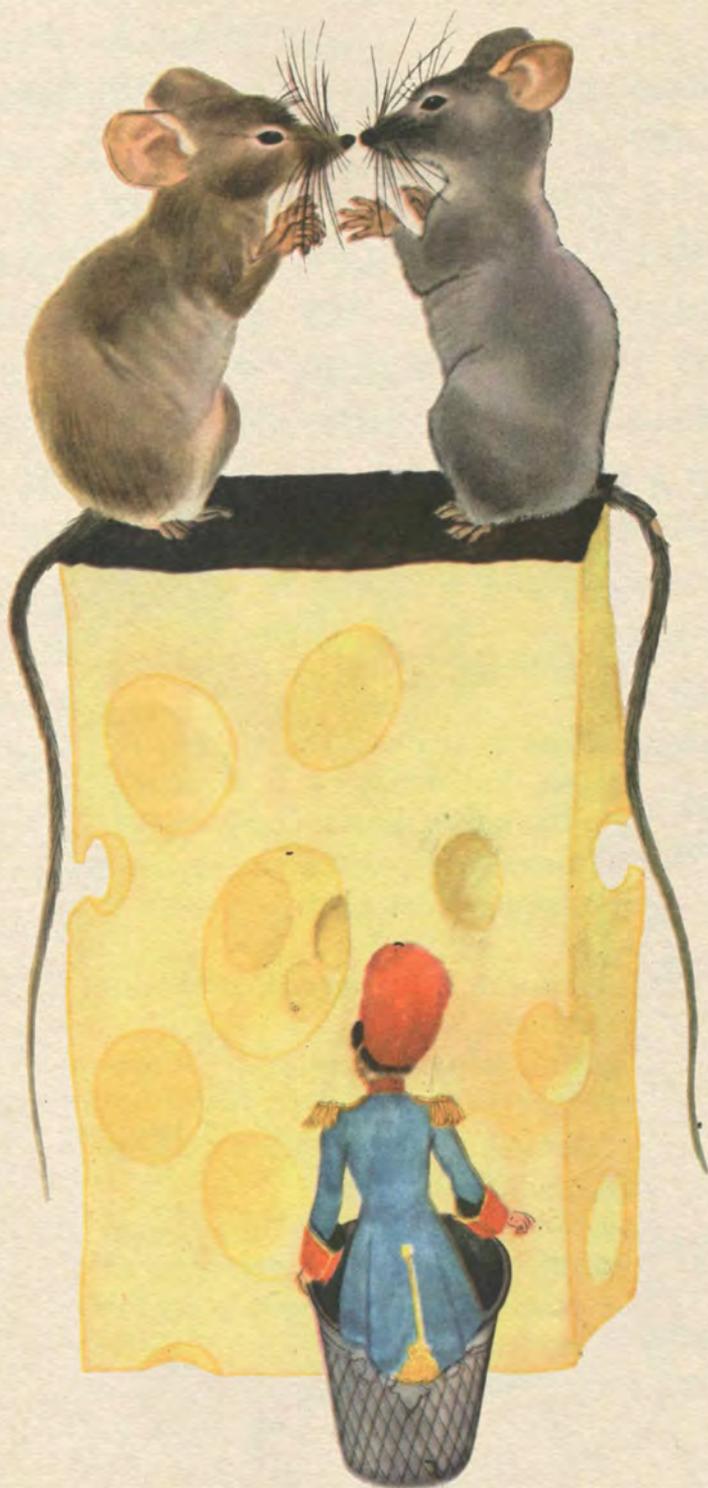
— Не угодно ли вам сесть в наперсток вашей матушки? — сказала Яльмару мышка. — Я буду иметь честь отвезти вас.

— Надеюсь, это не затруднит вас, фрёкен? — отозвался Яльмар. И вот они поехали на мышиную свадьбу.

Проскользнув в дырочку, прогрызенную мышами в полу, они сначала попали в длинный коридор, такой узкий, что здесь только в наперстке и можно было проехать. Коридор был ярко освещен светящимися гнилушками.

— Как хорошо здесь пахнет, правда? — сказала мышка-возница. — Весь коридор вымазан салом! Что может быть лучше!

Наконец, добрались и до того зала, где праздновали свадьбу. Направо, перешептываясь и пересмеиваясь, стояли мышки-дамы, налево, покручивая лапками усы, — мышки-кавалеры; а посредине,

на корке выеденного сыра, восседали жених с невестой и ненасытно целовались на глазах у всех. Ну что ж, ведь они уже обручились и сейчас должны были обвенчаться.

А гости все прибывали и прибывали; и в давке счастливую парочку оттеснили к самому выходу, так что никто уже больше не мог ни войти, ни выйти. Зал, как и коридор, тоже был весь вымазан салом; никакого другого угощения не было, а на десерт гостей обносили горошиной, на которой одна родственница новобрачных выгрызла их имена, — то есть, конечно, только первую букву каждого имени. Диво, да и только!

Все мыши признали, что свадьба удалась на славу, и время прошло очень приятно.

Яльмар поехал домой. Довелось и ему побывать в блестящем обществе; правда, пришлось совсем съежиться, чтобы влезть в мундир оловянного солдата.

— Просто не верится, какое множество пожилых людей жаждет залучить меня к себе! — сказал Оле-Лукойе. — И особенно хотят этого те, которые сделали что-нибудь дурное. „Добренький, миленький Оле, — говорят они мне, — мы просто глаз не можем сомкнуть, лежим без сна всю ночь напролет, и нас окружают наши дурные дела: рассядутся, словно гадкие гномы, по краям кровати и брызжут на нас кипятком. Хоть бы ты пришел и прогнал их, Оле, чтобы мы могли покрепче уснуть; а уж мы бы тебя вознаградили! — добавляют они с глубоким вздохом. — Ну, спокойной ночи, Оле! Деньги на окне!“ Но я ни к кому не прихожу за деньги, — заключил Оле-Лукойе.

— Что будем делать сегодня ночью? — спросил Яльмар.

— Не хочешь ли опять побывать на свадьбе? Только не на такой, как вчера. Большая кукла твоей сестры, та, что одета мальчиком, — ее зовут Герман, — хочет повенчаться с куклой Бертой. Кроме того, сегодня день рождения куклы, и ей готовят много подарков.

Знаю! Знаю! — сказал Яльмар. — Как только куклам понадобится новое платье, сестра сейчас же празднует их день рождения или свадьбу. Так она уже раз сто проделывала.

— Да, а сегодня ночью это будет в сто первый и, значит, в последний раз. Оттого и готовится нечто необыкновенное. Взгляни-ка!

Яльмар посмотрел на стол. На нем стоял картонный домик с освещенными окнами, и все оловянные солдатики держали ружья на караул. Жених с невестой в задумчивости сидели на полу, прислонившись к ножке стола; да им и было о чем задуматься! Оле-Лукойе, облачившись в бабушкину черную юбку, перевенчал их, и вот вся мебель в комнате запела на мотив марша забавную песенку, которую сочинил карандаш:

Пускай к невесте с женихом
Примчится наша песня в дом.
Горды собой, сидят вдвоем, —
Их сделали, взяв пакли ком
И лайкой обтянув кругом!
„Ура! Ура!“ — мы им поем.

Затем молодые получили подарки, но от еды отказались — они были сыты своей любовью.

— Ну, поехать нам теперь на дачу или отправиться за границу? — спросил молодой муж.

На совет пригласили опытную путешественницу ласточку и старую курицу, которая уже пять раз высиживала цыплят. Ласточка рассказала о теплых краях, где зреют тяжелые виноградные гроздья, где воздух так легок, а горы отливают такими красками, о каких здесь и понятия не имеют.

— Но там не растет наша кудрявая капуста! — сказала курица. — Одно лето я со своими цыплятами жила в деревне; там была большая куча песку, и мы могли в ней рыться и копать сколько угодно. Кроме того, нам разрешили ходить в огород, где росла капуста. Ах, какая она была зеленая! Нет ничего красивее ее!

— Да ведь один кочан капусты похож на другой как две капли воды! — сказала ласточка. — К тому же здесь часто бывает не-настье.

— Ну, к этому можно привыкнуть, — проговорила курица.

— Но здесь так холодно, того и гляди замерзнешь!

— Для капусты это как раз хорошо, — заметила курица. — Да, наконец, и у нас бывает тепло! Вот, например, четыре года назад лето у нас тянулось целых пять недель. А жара-то какая стояла — дышать нечем было! Кстати сказать, у нас нет тех ядовитых тварей, какие водятся в теплых краях. Нет и разбойников. Только отщепенец не считает нашу страну лучшей в мире. Такой недостойно жить в ней! — тут курица заплакала. — Я ведь тоже путешествовала, целых двенадцать миль проехала в бочонке, — и ничего приятного в путешествии не нашла.

— Да курица наша умница, — сказала кукла Берта. — Мне тоже не нравится шляться по горам; только и знаешь: то вверх, то вниз! Нет, лучше мы переедем в деревню, где много песка, и будем гулять по огороду, где растет капуста.

На том и порешили.

СУББОТА

— А сегодня будешь рассказывать? — спросил Яльмар, как только Оле-Лукойе уложил его в постель.

— Сегодня некогда, — ответил Оле и раскрыл над мальчиком свой красивый зонтик. — Погляди-ка вот на этих китайцев!

Зонтик был похож на большую китайскую чашу, расписанную голубыми деревьями и узенькими мостиками, на которых стояли маленькие китайцы и кивали головой.

— Сегодня надо будет принарядить к завтрашнему дню весь мир! — продолжал Оле. — Завтра праздник, воскресенье. Мне надо

влезть на колокольню, чтобы проверить работу церковных домовых, которые должны вычистить колокола, а не то они завтра будут плохо звонить; потом выйду в поле посмотреть, смахнул ли ветер пыль с травы и листьев. А уж потом наступит время и для самой трудной работы: придется снять с неба и почистить все звездочки. Я их собираю в свой передник и при этом нумерую каждую звездочку и дырочку, в которой она сидела, чтобы потом разместить их все по местам, не то они будут плохо держаться и покатаются с неба одна за другой!

— Послушайте-ка вы, господин Оле-Лукойе! — проговорил вдруг висевший на стене старый портрет — Я прадедушка Яльмара и очень признателен вам за то, что вы рассказываете мальчику сказки, но вы не должны извращать его представления. Снимать с неба звезды и чистить их невозможно: звезды такие же светила, как наша земля, тем-то они и хороши.

— Спасибо тебе, прадедушка! — отозвался Оле-Лукойе. — Спасибо! Ты глава семьи, наш родоначальник, но я все-таки постарше тебя! Я старший язычник; древние римляне и греки считали меня богом сновидений. Я бывал в знатнейших домах и теперь туда вхож, и знаю, как обходиться и с большими, и с малыми. Можешь теперь рассказывать сам.

И Оле-Лукойе ушел, сунув зонтик подмышку.

— Ну, уж нельзя и мнения своего высказать! — проворчал старый портрет.

Тут Яльмар проснулся.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

— Добрый вечер! — сказал Оле-Лукойе.

Яльмар кивнул ему, вскочил и повернул прадедушкин портрет лицом к стене, чтобы он опять не вмешался в разговор по-вчерашнему.

А теперь ты расскажи мне вот какие сказки: про пять зеленых горошин, что родились в одном стручке, про петушиную ногу, которая ухаживала за куриной ногой, и про штопальную иглу, которая возомнила себя швейной иглой, — сказал Яльмар.

— Ну, хорошенького понемножку! — отозвался Оле-Лукойе. — Я лучше покажу тебе кое-что. Я покажу своего брата, его тоже зовут Оле-Лукойе, но он ни к кому не является больше, чем один раз в жизни. А уж если явится, то берет человека, сажает к себе на коня и рассказывает ему сказки. А знает он их только две: одна из

них так прекрасна, что и описать нельзя, но зато другая... нет слов выразить, какая она страшная!

Оле-Лукойе приподнял Яльмара, поднес его в окно и сказал:

— Сейчас ты увидишь моего брата, другого Оле-Лукойе. Люди зовут его Смертью. Видишь, он вовсе не такой страшный, каким выглядит на картинках, где его рисуют в виде скелета. Кафтан на нем вышит серебром, как гусарский мундир; за плечами развеивается черный бархатный плащ... Гляди, как он скачет!

— И Яльмар увидел, как мчится во весь опор другой Оле-Лукойе, сажая к себе на коня и старых и малых. Одних он сажал перед собою, других позади, но сначала всегда спрашивал:

— Какие у тебя отметки?

— Хорошие! — отвечали все.

— Покажи-ка! — говорил он.

Приходилось показывать; и вот тех, у кого были отличные или хорошие отметки, он сажал впереди себя и рассказывал им веселую сказку, а у тех, у кого были посредственные или плохие, сажал позади себя, и эти должны были слушать страшную сказку. Они тряслись в ужасе, плакали и старались спрыгнуть с коня, да не могли, потому что сразу же крепко прирастали к седлу.

— Но ведь Смерть — чудеснейший Оле-Лукойе! — сказал Яльмар. — И я ничуть не боюсь его!

— Да и нечего бояться! — сказал Оле. — Смотри только, чтобы у тебя всегда были хорошие отметки.

— Вот это поучительно! — пробормотал прадедушкин портрет. — Все-таки, значит, не мешает иногда высказать свое мнение.

Он был очень доволен.

Вот тебе и вся история об Оле-Лукойе! А вечером пусть он сам расскажет тебе еще что-нибудь.

Шел солдат по дороге: раз-два! раз-два! Ранец за спиной, сабля на боку. Шел он домой с войны. По дороге встретилась ему старая ведьма, безобразная, противная: нижняя губа висела у нее до самой груди.

— Здорово, служивый! — буркнула она. — Ишь какая у тебя славная сабля! А ранец-то какой большой! Вот brave солдат! Ну, сейчас я тебе отвалю денег, сколько твоей душе угодно.

— Спасибо тебе, старая ведьма! — сказал солдат.

— Видишь вон то старое дерево, — проговорила ведьма. — Внутри оно пустое. Влезь наверх: увидишь дупло, спустишь в него до самого низу. Перед тем как ты спустишься, я тебя обвяжу веревкой вокруг пояса, а когда ты мне крикнешь, я тебя вытащу.

— Но зачем мне туда лезть? — спросил солдат.

— За деньгами! — ответила ведьма. — Надо тебе знать, что, когда ты доберешься до самого низа, ты увидишь большой подземный ход; в нем горит больше трехсот ламп, поэтому там совсем светло. Потом ты увидишь три двери; можешь их отворить, ключи торчат снаружи. Войди в первую комнату; посреди комнаты увидишь большой сундук, а на нем собаку; глаза у нее величиной с чайную чашку. Но ты не бойся! Я дам тебе свой синий клетчатый передник, а ты расстели его на полу, быстренько подойди и схвати собаку, посади ее на передник, открой сундук и бери из него денег, сколько угодно. В этом сундуке лежат только медяки; за-

хочешь серебра — ступай в другую комнату; там сидит собака с глазами, как мельничные колеса, но ты не пугайся, посади ее на передник и бери деньги. А если тебе захочется золота, достанешь и его, сколько сможешь унести, стоит лишь пойти в третью комнату. У собаки, которая сидит там на деревянном сундуке, глаза с Круглую башню¹. Собака эта очень злая, можешь мне поверить! Но ты и ее не бойся. Посади ее на мой передник, и она тебя не тронет, а ты бери себе золота, сколько хочешь!

— Оно бы недурно! — сказал солдат. — Но что же ты с меня за это возьмешь, старая ведьма? Ведь даром ты для меня ничего не сделаешь.

— Ни гроша я с тебя не возьму, — ответила ведьма. — Только принеси мне старое огниво, — там его позабыла моя бабушка, когда спускалась туда в прошлый раз.

— Ну, обвяжывай меня веревкой! — приказал солдат.

— Готово! — сказала ведьма. — А вот и мой синий клетчатый передник!

Солдат влез на дерево, забрался в дупло и, как и говорила ведьма, очутился в большом проходе, где горели сотни ламп.

Вот он открыл первую дверь. Ох! там сидела собака с глазами, как чайные чашки, и тарасила их на солдата.

— Молодчина! — сказал солдат и, посадив собаку на ведьмин передник, набрал себе полный карман медных денег, потом закрыл сундук, водворил на него собаку и перешел в другую комнату. Правду сказала ведьма! Там сидела собака с глазами, как мельничные колеса.

— Ну, нечего тарасить на меня глаза, а то еще заболят! — сказал солдат и посадил собаку на ведьмин передник.

Увидев в сундуке огромную кучу серебра, он выбросил все медяки и набил себе оба кармана и ранец серебром. Затем он перешел в третью комнату. Ну и страшилище! У собаки, которая там сидела, глаза были никак не меньше Круглой башни и вращались, будто колеса.

— Добрый вечер! — сказал солдат и взял под козырек.

Такой собаки он еще не видывал.

Впрочем, смотрел он на нее недолго, а взял да и посадил ее на передник, потом открыл сундук. Боже! Сколько тут было золота!

¹ Круглая башня. — Эта башня была воздвигнута в Копенгагене астрономом Тихо Браге, который устроил в ней обсерваторию.

Он мог бы купить на него весь Копенгаген, всех сахарных поросят у торговки сладостями, всех оловянных солдатиков, всех деревянных лошадок и все кнуты на свете! Денег была уйма. Солдат выбросил серебряные деньги и так набил свои карманы, ранец, шапку и сапоги золотом, что едва мог двигаться. Ну, наконец-то он был при деньгах! Собаку он опять посадил на сундук, потом захлопнул дверь, поднял голову и закричал:

— Тащи меня, старая ведьма!

— Огниво взял? — спросила ведьма.

— Ах, чёрт, чуть было не забыл! — ответил солдат; — пошел и взял огниво.

Ведьма вытащила его наверх, и он опять очутился на дороге, только теперь карманы его, и сапоги, и ранец, и фуражка были набиты золотом.

— Зачем тебе это огниво? — спросил солдат.

— Не твое дело! — ответила ведьма. — Получил деньги и хватит с тебя! Ну, отдавай мне огниво!

— Как бы не так! — сказал солдат. — Сию минуту говори, на что оно тебе нужно, а не то вытащу саблю и голову тебе отрублю.

— Не скажу! — уперлась ведьма.

Ну, солдат взял да и отрубил ей голову. Ведьма повалилась на землю мертвая, а он завязал все деньги в ее передник, взвалил узел себе на спину, огниво сунул в карман и отправился прямо в город.

Город этот был богатый. Солдат остановился на самом дорогом постоялом дворе, занял самые лучшие комнаты и заказал все свои любимые блюда, — ведь он теперь стал богачом!

Слуга, который чистил обувь приезжих, удивился, что у такого богатого господина такие плохие сапоги, но солдат еще не успел обзавестись новыми. Однако на другой день он купил себе и хорошие сапоги и дорогую одежду.

Теперь солдат сделался настоящим баринком, и ему рассказали обо всех достопримечательностях города, о короле и его прелестной дочери, принцессе.

— Как бы ее увидеть? — спросил солдат.

— Это невозможно! — ответили ему. — Она живет в огромном медном замке, окруженном высокими стенами с башнями. Никто, кроме самого короля, не смеет ни войти в замок, ни выйти оттуда, потому что королю предсказали, что дочь его выйдет замуж за совсем простого солдата, а королям такое понравиться не может.

„Вот бы на нее поглядеть!“ — подумал солдат.

Да кто бы ему позволил?!

Теперь он зажил весело: ходил в театры, ездил кататься в королевский сад и много денег отдавал бедным. И это было очень хорошо с его стороны, ведь он по себе знал, как трудно сидеть без гроша в кармане! Теперь он был богат, прекрасно одевался и приобрел множество друзей; все они называли его славным малым, настоящим кавалером, а ему это очень нравилось. Но так как он все только тратил деньги, а новых ему взять было неоткуда, то в конце концов осталось у него всего-навсего две монетки! Пришлось перебраться из хороших комнат в крошечную каморку под самой крышей, самому чистить себе сапоги и даже латать их; теперь никто из друзей его не навещал, — уж очень высоко было к нему подниматься!

Однажды, темным вечером, солдат сидел в своей каморке, денег у него не было даже на свечку. И вдруг он вспомнил про крошечный огарочек, который он взял вместе с огнивом в подземелье, куда спускала его ведьма. Солдат достал огниво и огарок, но как только ударил по кремню, высекая огонь, дверь распахнулась, и перед ним предстала собака с глазами, как чайные чашки, та самая, которую он видел в подземелье.

— Что угодно господин? — пролаяла она.

— Вот так история! — сказал солдат. — Огниво-то, выходит, прелюбопытная штучка: теперь я смогу получить все, что захочу! Эй ты, добудь-ка мне денег! — приказал он собаке, — и... раз — ее уж и след простыл; два — она опять была тут как тут, а в зубах держала большой кошель, набитый медными монетами! Тогда солдат понял, что за чудодейственное у него огниво. Ударишь по кремню раз — является собака, что сидела на сундуке с медными деньгами; ударишь два — является та, что сидела на серебре; ударишь три — прибегает та, что сидела на золоте.

Солдат опять перебрался в хорошие комнаты и стал носить богатую одежду, а все его друзья немедленно узнали его и крепко полюбили вновь.

Вот раз ему и пришло в голову: „Как это глупо, что нельзя повидать принцессу! Такая красавица, говорят, а что толку! Весь век сидит в медном замке, за высокими стенами с башнями! Неужели мне так и не удастся поглядеть на нее хоть одним глазком? Ну-ка, где мое огниво?“ — и он ударил по кремню раз. В тот же миг пред ним предстала собака с глазами, как чайные чашки.

— Теперь правда, уже ночь, — сказал солдат, — но мне до смерти захотелось увидеть принцессу хоть на минуточку!

Собака сейчас же за дверь, и не успел солдат опомниться, как

она вернулась с принцессой. Принцесса сидела на спине у собаки и спала. Она была чудо как хороша — всякий сразу бы увидел, что это настоящая принцесса; и солдат не утерпел и поцеловал ее, — он ведь был brave воин, настоящий солдат.

Потом собака отнесла принцессу назад; и за утренним чаем принцесса рассказала королю с королевой, какой она нынче видела удивительный сон про собаку и солдата: будто она ехала верхом на собаке, а солдат поцеловал ее.

— Вот так история! — воскликнула королева.

На следующую ночь в спальню принцессы отрядили старуху фрейлину с приказом разузнать, был ли то сон или явь.

А солдату опять до смерти захотелось увидеть прелестную принцессу. И вот ночью снова явилась собака, схватила принцессу и помчалась с ней во всю прыть к солдату; но старуха фрейлина надела непромокаемые сапоги и пустилась вдогонку. Увидев, что собака скрылась с принцессой в одном большом доме, фрейлина подумала: „Теперь я знаю, где их найти!“ — начертила большой крест на воротах и отправилась домой спать. Но собака на обратном пути заметила этот крест, сейчас же взяла кусок мела и понаставила крестов на всех воротах в городе. Это было ловко придумано: теперь фрейлина не могла найти нужные ворота, раз на всех остальных тоже белели кресты.

Рано утром король с королевой, старуха фрейлина и все офицеры пошли узнать, куда ездила принцесса ночью.

— Вот куда! — сказал король, увидев первые ворота с крестом.

— Нет, вот куда, муженек! — возразила королева, заметив крест на других воротах.

— Крест и здесь и здесь... — зашумели придворные, увидев кресты на других воротах. Тут все поняли, что не добиться им толку.

Но королева была женщина умная, — она умела не только в каретах разъезжать. И вот взяла она большие золотые ножницы, разрежала кусок шелковой материи на несколько лоскутов и сшила крошечный хорошенький мешочек, в тот мешочек она насыпала мелкой гречневой крупы и привязала его на спину дочке, а потом прорезала в нем дырочку, чтобы крупа сыпалась на дорогу, по которой поедет принцесса.

Ночью собака явилась опять, посадила принцессу себе на спину и побежала к солдату, а солдат до того влюбился в принцессу, что начал жалеть, почему он не принц, — так хотелось ему жениться на ней.

Собака и не заметила, что по всей дороге, от самого дворца до окна солдата, куда она вскочила с принцессой, за нею сыпалась крупа. Уже рано утром король и королева узнали, куда ездила их дочь, и солдата посадили в тюрьму.

Как там было темно и тоскливо! Засадили его туда и сказали: „Завтра утром тебя повесят!“ Невесело было услышать это. А огниво свое он позабыл дома, на постоялом дворе.

Утром солдат подошел к маленькому окошку своей камеры и стал глядеть сквозь железную решетку на улицу: народ толпами валил за город смотреть, как будут вешать солдата; били барабаны, проходили полки. Все бежали бегом; бежал и мальчишка-сапожник в кожаном переднике и туфлях. Он мчался вприпрыжку, и одна туфля слетела у него с ноги и стукнула прямо в стену, у которой стоял солдат, глядя сквозь решетку.

— Эй, ты куда торопишься? — сказал солдат мальчику. Без меня ведь дело не обойдется! А вот если ты сбегаешь туда, где я жил раньше, за моим огнивом, ты получишь четыре монеты. Только живо!

Мальчишка был не прочь получить четыре монеты и стрелой пустился за огнивом, отдал его солдату, и... а вот сейчас узнаем, что было потом!

За городом была построена огромная виселица, а вокруг стояли солдаты и многие сотни тысяч людей. Король и королева сидели на роскошном троне прямо против судей и королевского совета.

Солдат уже стоял на лестнице, и ему собирались накинуть веревку на шею, но он сказал, что, прежде чем казнить преступника,

всегда исполняют какое-нибудь его невинное желание. А ему очень хотелось бы выкурить трубочку табаку, — ведь это будет его последняя трубочка на этом свете!

Король не посмел отказать в такой просьбе, и солдат вытащил свое огниво. Ударил по кремню раз, два, три — и перед ним предстали три собаки: собака с глазами, как чайные чашки, собака с глазами, как мельничные колеса, и собака с глазами, как Круглая башня.

— Ну-ка, помогите мне избавиться от петли! — приказал им солдат.

И собаки бросились на судей и на весь королевский совет: того за ноги схватили, того за нос, да и подбросили ввысь. Все упали и разбились вдребезги!

— Не надо! — закричал король, но самая большая собака схватила его вместе с королевой и подбросила их вслед за другими. Тогда солдаты испугались, а весь народ закричал:

— Служивый будь нашим королем и женись на прекрасной принцессе!

И вот солдата посадили в королевскую карету. Карета катилась, а все три собаки танцевали перед ней и кричали „ура!“ Мальчишки свистели, засунув пальцы в рот, солдаты отдавали честь. Принцесса вышла из своего медного замка и сделалась королевой, чем была очень довольна. Свадебный пир продолжался целую неделю; собаки тоже сидели за столом и тарасили глаза.

Снежная королева

СКАЗКА ПЕРВАЯ
В КОТОРОЙ ГОВОРИТСЯ
О ЗЕРКАЛЕ И ЕГО ОСКОЛКАХ

Ну, начнем! Вот дойдем до конца нашей сказки, тогда будем знать больше, чем теперь.

Жил-был тролль, злой-презлой — сущий дьявол! Как-то раз он был в особенно хорошем настроении, потому что смастерил зеркало, отражаясь в котором все доброе и прекрасное почти исчезало,

а все плохое и безобразное, напротив, бросалось в глаза и казалось еще отвратительней. Красивейшие виды, отразившись в нем, казались вареным шпинатом, а лучшие из людей — уродами; или же чудилось, будто люди эти стоят вверх ногами, а живота у них вовсе нет! Лица в этом зеркале искажались до того, что их нельзя было узнать, а если у кого на лице сидела веснушка, она расплывалась во весь нос или щеку. Тролля все это очень потешало. Когда человеку приходила в голову добрая, хорошая мысль, зеркало тотчас строило рожу, а тролль не мог удержаться от хохота, так он радовался своей забавной выдумке. Ученики тролля, — а у него была своя школа, — рассказывали о зеркале, как о каком-то чуде.

— Только теперь, — говорили они, — можно видеть людей, да и весь мир, такими, какие они на самом деле!

И вот они принялись носиться по свету с этим зеркалом; и скоро не осталось ни страны, ни человека, которых оно не отразило бы в искаженном виде. Напоследок ученикам тролля захотелось добраться и до неба, чтобы посмеяться над ангелами и господом богом. И чем

выше они поднимались, тем больше кривлялось и корчилось зеркало, строя рожи, — трудно было в руках его удерживать. Все выше и выше, все ближе к богу и ангелам летели ученики тролля, но вдруг зеркало так перекошилось и задрожало, что вырвалось у них из рук, полетело на землю и разбилось вдребезги. Разбилось оно на миллионы, биллионы, несметное множество осколков, а эти осколки наделали несравненно больше вреда, чем само зеркало. Некоторые осколки, крошечные, как песчинки, разлетаясь по белу свету, попадали, случалось, в глаза людям, да так там и оставались. И вот человек с осколком в глазу начинал видеть все наыворот или замечать в каждой вещи одни лишь ее дурные стороны, потому что в любом осколке сохранились все свойства целого зеркала. Другим людям осколки проникали прямо в сердце, — и это было хуже всего: сердце тогда превращалось в кусок льда. Попадались между осколками и такие большие, что ими можно было бы застеклить оконную раму; но в окна с такими „стеклами“ не следовало смотреть на своих добрых друзей. Иные осколки были вставлены в очки; но стоило людям надеть эти очки, чтобы лучше видеть вещи и вернее судить о них, как приходила беда. А злой тролль этому радовался и хохотал до рези в животе, словно от щекотки. И много осколков зеркала все еще летало по свету. Послушаем же про них.

СКАЗКА ВТОРАЯ
МАЛЬЧИК И ДЕВОЧКА

В большом городе, где столько домов и людей, что не всем удается отгородить себе хоть уголок для садика и где поэтому очень многим приходится довольствоваться комнатными цветами в горшках, жили двое бедных детей, но их садик был побольше цветочного горшка. Они не были родственниками, но любили друг друга, как брат и сестра.

Родители этих детей жили под самой крышей — в мансардах двух смежных домов, которые стояли так близко друг к другу, что кровли их почти соприкасались. Окна одной семьи смотрели на окна другой, а под окнами, вдоль стен обоих домов, тянулся желобок. Таким образом, стоило только перешагнуть его, чтобы попасть к соседям, жившим напротив.

Обе семьи достали себе по большому деревянному ящику и разводили в них коренья для супа и зелень. Кроме того, в каждом ящике рос небольшой розовый куст; и кусты эти чудесно разрастались. Однажды родители решили поставить оба ящика на дно же-

лобка, и тогда от окна одной семьи к окну другой протянулись как бы две цветочные грядки. Плети гороха свисали с ящиков зелеными гирляндами, ветви розовых кустов переплетались и обрамляли окна, — казалось, это триумфальные арки из листвы и цветов. Ящики были очень высоки, и детям запрещали на них карабкаться, но родители часто позволяли мальчику с девочкой ходить друг к другу в гости и сидеть на скамеечке под розами. Как весело им было играть здесь!

Зимой это удовольствие прекращалось. Окна часто замерзали, но дети нагревали на печке медные монеты и прикладывали их к обмерзшим стеклам; лед быстро оттаивал, появлялось чудесное окошечко — такое круглое-круглое, — и в нем показывался веселый, ласковый глазок: это переглядывались мальчик и девочка, Кай и Герда. Летом они одним прыжком могли попасть друг к другу, зимой же надо было сначала спуститься на много, много ступенек, затем подняться на столько же. А на дворе завывала метель.

— Это роятся белые пчелки! — говорила старая бабушка.

— А у них тоже есть королева? — спрашивал мальчик; он знал, что у настоящих пчел они бывают.

— Есть, — отвечала бабушка. — Она там, где снежный

всего гуще; только она больше других снежинок и никогда не остается внизу надолго — старается поскорее вернуться в черную тучу. Часто летает она по городским улицам в полночь и заглядывает в окошки, — тогда они покрываются ледяными узорами, словно цветами.

— Видели, видели! — говорили дети и верили, что все это сушая правда.

— А Снежная королева не может ворваться сюда? — спросила раз девочка.

— Пусть только попробует! — сказал мальчик. — Я посажу ее на теплую печку, она и растает.

Бабушка погладила его по головке и завела разговор о другом.

В тот вечер, когда Кай вернулся домой и уже почти совсем разделся перед сном, он вскарабкался на стул у окна и стал смотреть сквозь круглое „окошечко“ в том месте, где лед на стекле оттаял. За окном порхали снежинки; одна из них, очень крупная, упала на край цветочного ящика и вдруг начала расти. Росла-росла, пока, наконец, не превратилась в женщину, закутанную в тончайший белый тюль, который, казалось, был соткан из миллионов снежных звездочек. Женщина эта, необычайно прекрасная, была вся из льда, из ослепительного, сверкающего льда! И, однако, живая! Глаза ее сияли, как звезды, но в них не было ни тепла, ни мира. Она кивнула мальчику и поманила его рукой. Мальчуган испугался и спрыгнул со стула, а мимо окна промелькнуло что-то похожее на большую птицу.

На другой день был славный мороз, но его сменила оттепель, а там пришла и весна. Солнце стало пригревать, показалась травка, ласточки принялись вить гнезда под крышей, распахнулись окна, и дети стали снова сидеть в своем крошечном садике высоко над землей.

В то лето розы цвели особенно пышно. Девочка выучила песню, в которой упоминалось о розах, и, напевая ее, она думала про свои розы. Девочка пела песню мальчику, и он подпевал ей:

Розы цветут... Цветут всегда!

Но нас нельзя разлучить никогда.

Взявшись за руки, дети пели, целовали розы, смотрели на солнечные блики и разговаривали с ними. Как прекрасны были эти летние дни, как хорошо было под кустами благоухающих роз, — казалось, они никогда не перестанут цвести!

Кай и Герда сидели и рассматривали книжку с картинками — зверями и птицами. На больших башенных часах пробило пять.

— Ай! — вскрикнул вдруг мальчик. — Меня кольнуло прямо в сердце, и что-то попало в глаз!

Девочка обвила ручонками его шею, но ничего не заметила в глазу, хотя мальчик мигал, стараясь освободиться от соринки.

— Должно быть, сама выскочила, — сказал он, наконец.

Но в том-то и дело, что не выскочила. Это была не простая соринка, но крошечный осколок дьявольского зеркала, — а мы, конечно, помним, что, отражаясь в нем, все великое и доброе казалось ничтожным и скверным, все злое и худое выглядело еще злее и хуже и недостатки каждой вещи тотчас бросались в глаза. Бедняжка Кай! Теперь сердце его должно было превратиться в кусок льда! Боль прошла, но осколок остался.

— Что ты хнычешь? — спросил он Герду. — У! Какая ты сейчас некрасивая! Мне ничуть не больно!.. Фу! — закричал он вдруг. — Эту розу точит червь. Какие гадкие розы! А у этой стебель совсем скривился. Торчат в безобразных ящиках, и сами безобразные!

Он толкнул ящик ногой, сорвал и бросил две розы.

— Кай, что ты делаешь? — вскрикнула девочка, а он, заметив ее испуг, сорвал еще одну и убежал от славной маленькой Герды в свое окно.

С того дня всякий раз, как девочка приносила ему книжку с картинками, он говорил, что эти картинки хороши только для грудных ребят; всякий раз, как бабушка что-нибудь рассказывала, он придирался к каждому слову; а потом... дошел и до того, что стал ее передразнивать: наденет очки и крадется за нею, подражая ее походке и голосу. Выходило очень похоже, и люди смеялись. Вскоре мальчик выучился передразнивать и всех соседей. Он отлично умел высмеять все их странности и недостатки, а люди говорили:

— Что за голова у этого мальчугана!

А всему причиной был осколок зеркала, который попал ему в глаз, а затем и в сердце. Потому-то он передразнивал даже маленькую Герду, которая любила его всей душой.

И забавлялся Кай теперь по-другому — как-то рассудочно. Однажды в зимний день, когда шел снег, он пришел к Герде с большим увеличительным стеклом; подставил под падающий снег полу своего синего пальто и сказал девочке:

— Погляди в стекло, Герда!

Под стеклом снежинки казались гораздо более крупными, чем были на самом деле, и походили на роскошные цветы или десятиконечные звезды. Они были очень красивы.

— Видишь, как хорошо сделано! — сказал Кай. — Снежинки гораздо интереснее настоящих цветов! И какая точность! Ни одной кривой линии! Ах, если бы только они не таяли!

Немного погодя Кай пришел в больших рукавицах, с салазками за спиной и крикнул Герде в самое ухо:

— Мне позволили покататься на большой площади с другими мальчиками! — и убежал.

На площади катались толпы детей. Те, что были посмелее, прицеплялись к крестьянским саням и отъезжали довольно далеко. Веселье так и кипело. В самый его разгар на площади появились большие белые сани. Тот, кто сидел в них, весь утонул в белой меховой шубе и белой меховой шапке. Сани дважды объехали площадь, а Кай живо прицепил к ним свои салазки и покатил. Большие сани быстрее понеслись по площади и вскоре свернули в переулок. Тот, кто сидел в них, обернулся и дружески кивнул Каю, точно знакомому. Кай несколько раз порывался отцепить свои салазки, но седок в белой шубе кивал ему, и Кай мчался дальше. Вот они выехали за городскую заставу. Снег вдруг повалил густыми хлопьями, так что ни зги не было видно. Мальчик попытался скинуть веревку, которую зацепил за большие сани, но салазки его точно приросли

к ним и все так же неслись вихрем. Кай закричал во весь голос, но никто его не услышал. Снег валил, сани мчались, ныряя в сугробах, прыгая через изгороди и каналы. Он очень испугался.

Снежные хлопья все росли и обратились под конец в огромных кур. Но вдруг куры разлетелись во все стороны, большие сани остановились, и из них вышла высокая, стройная, ослепительно белая женщина в шубе и шапке, запорошенных снегом. Это была сама Снежная королева.

— Славно проехались! — сказала она. — Но ты совсем замерз! Полезай ко мне под медвежью шубу.

И, посадив мальчика в сани, она завернула его в свою шубу. Кай словно провалился в снежный сугроб.

— Все еще мерзнешь? — спросила она и поцеловала его в лоб.

Ух! Поцелуй ее был холоднее льда, он пронизал мальчика насквозь, дошел до самого сердца, а оно и без того уже было наполовину ледяным... На мгновение Каю показалось, будто он сейчас умрет, но вдруг ему стало хорошо; он даже совсем перестал зябнуть.

— А салазки! Не забудь мои салазки! — спохватился мальчик.

Салазки погрузили на белую курицу, крепко привязали, и она полетела с ними за большими санями. Снежная королева еще раз поцеловала Кая, и он позабыл и Герду, и бабушку, и всех домашних.

— Больше не буду тебя целовать, — сказала Снежная королева. — А не то зацелую до смерти.

Кай взглянул на нее. Она была так хороша! Он и представить себе не мог более умного, более пленительного лица. Теперь она не казалась ему ледяною, как в тот раз, когда появилась за окном и кивнула ему головой, — теперь она представлялась ему совершенством. Он перестал ее бояться и рассказал ей, что знает все четыре действия арифметики и даже дроби, а еще знает, сколько в каждой стране квадратных миль и жителей... Но Снежная королева только молча улыбалась. И вот Каю показалось, что он, и правда, знает слишком мало, и он устремил взор в бесконечное воздушное пространство. В тот же миг Снежная королева подхватила его, и они взвились и сели на черную тучу. Буря плакала и стонала, — казалось, она поет старинные песни. Кай и Снежная королева летели над морями и сушей. Под ними дули холодные ветры, выли волки, сверкал снег, пролетали с криком черные вороны; а над ними сиял большой, ясный месяц. Кай смотрел на него всю долгую-долгую зимнюю ночь, а днем он спал в ногах у Снежной королевы.

А что же было с маленькой Гердой, после того как исчез Кай? Куда он пропал? Никто этого не знал, никто не мог ничего сообщить о нем. Мальчики рассказали только, что видели, как он прицепил свои салазки к большим великолепным саням, которые потом свернули в переулочек и выехали за городские ворота. Никто не знал, куда он девался. Много было пролито слез; горько и долго плакала Герда. Наконец, решили, что Кай умер: может быть, утонул в реке, которая протекала у самого города. Долго тянулись мрачные зимние дни.

Но вот настала весна, выглянуло солнце.

— Кай умер и больше не вернется! — сказала Герда.

— Не верю! — возразил солнечный свет.

— Он умер и больше не вернется! — повторила она ласточкам.

— Не верим! — отозвались они.

Под конец и сама Герда перестала в это верить.

— Надену-ка я свои новые красные башмачки. Кай их еще ни разу не видел, — сказала она однажды утром, — да пойду спрошу реку про него.

Было еще очень рано. Герда поцеловала спящую бабушку, надела красные башмачки и побежала одна-одинешенька за город, прямо к реке:

— Правда, что ты взяла моего названного братца? Я подарю тебе свои красные башмачки, если ты вернешь его мне.

И девочке почудилось, будто волны, набегая, кивают ей. Тогда она сняла свои красные башмачки — самое драгоценное, что у нее было, — и бросила их в реку. Но они упали у самого берега, и волны сейчас же вынесли их на сушу, — река, должно быть, не захотела взять у девочки ее сокровище, так как не могла вернуть ей Кая. А девочка подумала, что бросила башмачки недостаточно далеко, влезла в лодку, которая покачивалась в тростнике, стала на самый краешек кормы и опять бросила башмаки в воду. Но лодка не была привязана и стала медленно отплывать от берега. Герда решила поскорее выпрыгнуть на сушу; но пока она пробиралась с кормы на нос, лодка уже далеко отошла от берега и быстро понеслась по течению.

Герда очень испугалась, принялась громко плакать, но никто, кроме воробьев, не слышал ее; а воробьи не могли перенести ее на сушу и только летели за ней вдоль берега и щебетали, словно желая ее утешить:

— Мы тут! Мы тут!

Лодку уносило все дальше. Герда сидела смирно, в одних чулках, — красные башмачки ее плыли за лодкой, но не могли ее догнать, лодка двигалась быстрее.

Берега реки были очень красивы; повсюду здесь росли чудесные цветы, прекрасные вековые деревья, на склонах паслись овцы и коровы; но людей нигде не было видно.

„Может быть, река несет меня к Каю?“ — подумала Герда и повеселела, потом встала на ноги и долго-долго любовалась красивыми зелеными берегами. Наконец, она подплыла к большому вишневому саду, в котором приютился крытый соломой домик с необыкновенными красными и синими стеклами в окошках, у дверей его стояли два деревянных солдата и отдавали ружьями честь всем, кто проплывал мимо.

Герда подумала, что они живые, и окликнула их; но они, конечно, ничего не ответили. Лодка подплыла к ним еще ближе, подошла чуть не к самому берегу, — и девочка закричала еще громче. На крик из домика вышла, опираясь на клюку, дряхлая старушка в большой соломенной шляпе, расписанной чудесными цветами.

— Ах ты, бедная крошка! — сказала старушка. — Как это ты попала на такую большую, быструю реку? Как забралась так далеко?

Тут старушка вошла в воду, зацепила лодку своей клюкой, пригнула ее к берегу и высадила Герду.

Девочка была рада-радешенька, что наконец-то вернулась на сушу, хоть и побаивалась незнакомой старухи.

— Ну, пойдём. Расскажи мне, кто ты и как сюда попала, — сказала старушка.

Герда стала рассказывать ей обо всем, что с ней приключилось, а старушка покачивала головой и повторяла: „Гм! Гм!“ Но вот девочка кончила и спросила старушку, не видела ли она Кая. Та ответила, что он еще не проходил тут, но, должно быть, пройдет, так что Герде пока не о чем горевать, — пусть лучше попробует вишен да полюбуется цветами, что растут в саду. Они красивее нарисованных в любой книжке с картинками и умеют рассказывать сказки. Тут старушка взяла Герду за руку, увела к себе в домик и заперла дверь на ключ.

Окна были высоко от полу и все застеклены разноцветными — красными, голубыми и желтыми — стеклышками; от этого и сама комната была освещена каким-то удивительным радужным светом. На столе стояла корзинка со спелыми вишнями, и Герда могла лакомиться ими сколько душе угодно; и пока она ела, старушка расчесывала ей волосы золотым гребешком. А волосы у Герды вились, и кудри золотым сиянием окружали ее милое приветливое личико, кругленькое и румяное, словно роза.

— Давно мне хотелось иметь такую миленькую девочку! — сказала старушка. — Вот увидишь, как ладно мы с тобой заживем!

И она продолжала расчесывать девочке волосы, и чем дольше расчесывала, тем быстрее забывала Герда своего названного братца Кая, — ведь эта старушка умела колдовать. Она была не злая колдунья и колдовала только изредка, для своего удовольствия; а теперь колдовала потому, что ей захотелось во что бы то ни стало оставить у себя Герду. И вот она пошла в сад, дотронулась своей клюкой до всех розовых кустов, и те, как стояли в цвету, так все и ушли глубоко-глубоко в черную землю — и следа от них не осталось. Старушка боялась, что Герда, увидев ее розы, вспомнит о своих розах, а там и о Кае, да и убежит от нее.

Сделав свое дело, старушка повела Герду в цветник. Как там было красиво, как хорошо пахло! Тут цвели все цветы, какие только растут на земле, — и весенние, и летние, и осенние! Во всем свете не нашлось бы книжки с картинками пестрей и красивей этого цветника. Герда прыгала от радости, играя среди цветов, пока солнце не скрылось за высокими вишнями. Тогда ее уложили в хорошенькую кроватку с красными шелковыми перинками, набитыми синими фиалками; а когда девочка заснула, ей снились такие сны, какие видит разве только королева в день своей свадьбы.

На другой день Герде опять позволили играть на солнышке в чудесном цветнике. Так прошло много дней. Теперь Герда знала здесь каждый цветочек, но как ни много их было, ей все-таки казалось, что какого-то недостает; только вот какого? Раз она сидела и рассматривала соломенную шляпу старушки, расписанную цветами, и среди них краше всех была роза, — старушка забыла ее стереть, когда загнала настоящие, живые цветы в землю. Вот что значит рассеянность!

— Как! В этом цветнике нет роз? — воскликнула Герда и сейчас же побежала искать их на грядках. Искала, искала, да так и не нашла.

Тогда девочка опустилась на землю и заплакала. Теплые слезы ее упали как раз на то место, где еще недавно стоял розовый куст, и как только они смочили землю, мгновенно появился куст, усыпанный цветами, как и прежде. Герда обвила его ручонками, стала целовать цветы и вспомнила о тех великолепных розах, что цвели у нее дома, а потом и о Кае.

— Как же я замешкалась! — сказала девочка. — Мне ведь надо искать Кая!.. Вы не знаете, где он? — спросила она у роз. — Вы верите, что он умер?

— Он не умер! — ответили розы. — Мы ведь побывали под землей, где лежат все умершие, но Кая меж ними нет.

— Спасибо вам! — проговорила Герда и пошла к другим цве-

там; она заглядывала в их чашечки и спрашивала: — Вы не знаете, где Кай?

Но цветы, греясь на солнышке, думали только о собственных сказках — каждый о своей; много их выслушала Герда, но ни один цветок не сказал ей ни слова о Кае.

Что же рассказала Герде огненная лилия?

— Слышишь, как бьет барабан? „Бум! Бум!“ Потом опять то же самое: „Бум! Бум!“ Слушай заунывное пение женщин. Слушай крики жрецов... В длинном красном одеянии стоит на костре вдова индийца. Пламя вот-вот охватит ее и тело ее умершего мужа, но она думает о живом человеке, что стоит тут же, — о том, чьи глаза горят жарче пламени, чьи взоры жгут ее сердце сильнее огня, который сейчас испепелит ее тело. Разве пламя сердца может погаснуть в пламени костра!

— Ничего не понимаю! — сказала Герда.

— Это моя сказка! — объяснила огненная лилия.

Что рассказал вьюнок?

— Над скалой навис старинный рыцарский замок. К нему ведет узкая горная тропинка. Древние кирпичные стены густо увиты плющом, листья его цепляются за балкон. А на балконе стоит прелестная девушка; она перегнулась через перила и смотрит вниз, на дорогу. Девушка свежее розы на стебле, воздушнее колеблемого ветром цветка яблони. Как шуршит ее шелковое платье! „Неужели же он не придет?“

— Ты говоришь про Кая? — спросила Герда.

— Я рассказываю сказку, свои грезы! — ответил вьюнок.

Что рассказал крошка-подснежник?

— Между деревьями качается длинная доска, — это качели. На доске сидят две маленькие девочки в белоснежных платьицах и шляпках, украшенных длинными зелеными шелковыми лентами, которые развеваются на ветру. Братишка, постарше их, стоит позади сестер, обняв веревки; в одной руке у него чашечка с мыльной водой, в другой — глиняная трубочка: он пускает пузыри. Доска качается, пузыри разлетаются по воздуху, переливаясь на солнце всеми цветами радуги; вот один повис на конце трубочки и колышется от дуновения ветра. Качели качаются; черная собачонка, легкая, как мыльный пузырь, встает на задние лапки, а передние кладет на доску, — но доска взлетает вверх, а собачонка падает, твякает и сердится. Дети поддразнивают ее, пузыри лопаются... Дощечка качается, пена разлетается — вот моя песенка!

— Может, она и хороша, да уж очень жалобно ты ее напеваешь!.. И опять ни слова о Кае!

Что рассказали гиацинты?

— Жили-были три стройные нежные красавицы сестрицы. Одна ходила в красном платье, другая в голубом, третья в белом. Рука об руку танцевали они при ясном лунном свете у тихого озера. То были не эльфы, но самые настоящие живые девушки. В воздухе разлился сладкий запах, и девушки скрылись в лесу. Но вот запахло еще сильнее, еще сладостней, и вдруг из лесной чащи выплыли три гроба. В них лежали красавицы сестрицы, а вокруг них, как живые огоньки, порхали светлячки. Спят эти девушки или умерли? Аромат цветов говорит, что умерли. Вечерний колокол звонит по усопшим.

— От вашей сказки мне грустно стало! — сказала Герда. — Да и колокольчики ваши пахнут слишком сильно... Теперь у меня из головы не идут умершие девушки! Ах, неужели и Кай умер? Но розы побывали под землей и говорят, что его там нет.

— Динь-дон! — зазвенели колокольчики гиацинтов. — Мы звоним не над Каем. Мы и не знаем его. Мы вызываем свою собственную песенку, другой мы не знаем!

Тогда Герда пошла к лютику, сиявшему в блестящей зеленой траве.

— Ты, маленькое ясное солнышко! — сказала ему Герда. — Скажи, ты не знаешь, где мне искать моего названного братца?

Лютик засиял еще ярче и взглянул на девочку. Какую же песенку спел он ей? И в этой песенке ни слова не было о Кае!

— Был первый весенний день, солнце грело и так приветливо освещало маленький дворик! Лучи его скользили по белой стене соседнего дома, а под самой стеной из зеленой травки выглядывали первые желтенькие цветочки, которые сверкали на солнце, как золотые. На двор вышла посидеть старушка бабушка. Вот пришла к ней в гости ее внучка-служанка, бедная красивая девушка, и крепко поцеловала старушку. Поцелуй этот был дороже золота, — он шел прямо от сердца. Золото на устах, золото в сердце, золото на небе в утренний час!.. Вот и все! — закончил лютик.

— Бедная моя бабушка! — вздохнула Герда. — Верно, она скучает обо мне, верно, горюет, как горевала о Кае! Но я скоро вернусь и приведу его с собой. Нечего больше и спрашивать цветы: от них ничего не добьешься; они знают только свои песенки!

И она подвязала юбочку повыше, чтобы удобнее было бежать, но когда перепрыгивала через нарцисс, тот хлестнул ее по ногам. Герда остановилась, посмотрела на этот высокий цветок и спросила:

— Ты, может быть, знаешь что-нибудь?

И наклонилась, ожидая ответа.

Что же сказал нарцисс?

— Я вижу себя! Я вижу себя! О, как я благоухаю!.. Высоко,

высоко в каморке, под самой крышей, стоит полуодетая танцовщица. Она стоит то на одной ножке, то на обеих и попирает ими весь свет, — она лишь оптический обман. Вот она льет из чайника воду на какой-то предмет, который держит в руках. Это ее корсаж. Чистота — лучшая красота! Белое платье висит на гвозде, вбитом в стену; платье тоже выстирано водою из чайника и высушено на крыше. Вот девушка одевается и повязывает шею яркожелтым платочком, который еще резче подчеркивает белизну платья. Опять одна ножка в воздухе! Гляди, как прямо стоит девушка на другой, — точно цветок на своем стебельке! Я вижу в ней себя, я вижу в ней себя!

— Да мне-то какое дело до нее? — сказала Герда, — Нечего мне о ней рассказывать!

И она побежала в конец сада. На калитке был заржавевший засов, но Герда так долго теребила его, что он подался, калитка распахнулась, и девочка так, босиком, и пустилась бежать по дороге. Раза три она оглядывалась, но никто за ней не гнался. Наконец, она устала, присела на большой камень и огляделась. Лето уже прошло, настала поздняя осень, а в волшебном саду старушки, где вечно

сияло солнышко и цвели цветы всех времен года, этого не было заметно.

— Господи! Как же я замешкалась! Ведь уж осень на дворе! Тут не до отдыха! — сказала Герда и опять пустилась в путь.

Ах, как ныли ее бедные, усталые ножки! Как холодно, сыро было вокруг! Длинные листья на ивах совсем пожелтели, туман оседал на них крупными каплями и стекал на землю. Листья падали один за другим. Только терновник стоял весь усыпанный ягодами; но ягоды у него были терпкие, вяжущие. Каким серым, унылым казался весь мир!

СКАЗКА ЧЕТВЕРТАЯ
ПРИНЦ И ПРИНЦЕССА

Пришлось Герде опять присесть, чтобы передохнуть. На снегу прямо перед ней прыгал большой ворон; он долго смотрел на девочку, кивая ей головой, и, наконец, заговорил:

— Карр-карр! Здравствуй!

Он не мог хорошо говорить на языке людей, но, видимо, желал девочке добра и спросил ее, куда она бредет по белу свету, такая одинокая. Слово „одинокая“ Герда поняла отлично и сразу почувствовала все его значение. Она рассказала ворону всю свою жизнь и спросила, не видал ли он Кая.

Ворон задумчиво покачал головой и ответил:

— Очень веррроятно, очень веррроятно!

— Как? Правда? — воскликнула девочка и чуть не задушила ворона поцелуями.

— Не так гррромко, не так гррромко! — проговорил ворон. — Я, кажется, видел твоего Кая. Но теперь он, верно, забыл про тебя в обществе своей принцессы!

— Разве он живет у принцессы? — спросила Герда.

— А вот послушай, — сказал ворон вместо ответа. — Только мне ужасно трудно говорить по-вашему. Эх, если бы ты понимала речь воронов, я рассказал бы тебе обо всем куда лучше.

— Нет, этому меня не учили, — молвила Герда. — Бабушка — та понимала. Хорошо бы и мне!

— Ну, ничего, — проговорил ворон. — Расскажу, как сумею, пусть плохо.

И он рассказал обо всем, что знал сам.

— В королевстве, где мы с тобой находимся, живет принцесса — такая умница, каких свет не видывал! Она прочитала все газеты на свете и позабыла все, что в них было написано, — вот какая ум-

ница! Как-то раз сидела она на троне, — а радости в этом мало, как говорят люди, — и напевала песенку: „Что бы мне бы выйти замуж“. „А ведь и в самом деле, — подумала она вдруг, — надо бы выйти!“ — и ей захотелось замуж. Но в мужья себе она желала выбрать такого человека, который может вести беседу, а не такого, который только и знает, что важничать, это ведь так скучно! И вот барабанным боем созвали всех придворных дам и объявили им волю принцессы. Все они очень обрадовались и сказали: „Вот и хорошо! Мы и сами недавно об этом думали!“ Все это истинная правда! — добавил ворон. — У меня при дворе есть невеста, она ручная, — от нее-то я и узнаю обо всем.

Невестой его была ворона: ведь каждый ищет себе жену под стать, вот и ворон выбрал ворону.

— На другой день все газеты вышли с рамкой из сердец и с вензелями принцессы. В газетах было объявлено, что любой молодой человек приятной наружности может явиться во дворец и побеседовать с принцессой; а того, кто будет держать себя непринужденно, как дома, и окажется всех красноречивей, принцесса изберет себе в мужья! Да, да! — повторил ворон. — Все это так же верно, как то, что я сижу здесь перед тобой! Народ валом повалил во дворец — давка, толкотня. Но толку не вышло никакого ни в первый день, ни во второй. На улице все женихи говорили прекрасно, но стоило им перешагнуть дворцовый порог, увидеть гвардию всю в серебре да лакеев в золоте и вступить в огромные, залитые светом залы, как их брала оторопь. Подойдут к трону, на котором сидит принцесса и не знают, что сказать, — только повторяют ее же последние слова. А ей вовсе не этого хотелось! Можно было подумать, что всех их дурманом опоили! А как выдут за ворота, опять обретают дар слова. От самых ворот до дверей дворца тянулся длинный-предлинный хвост женихов. Я сам там был и все видел! Женихам хотелось есть и пить, но из дворца им и стакана воды не вынесли. Правда, кто был поумнее — запасся бутербродами, но с соседями не делился, думал: „Пусть себе выглядят голодными; такие принцессе не понравятся!“

— Ну, а Кай-то, Кай? — спросила Герда. — Он тоже приходил свататься?

— Постой! Постой! Теперь мы как раз дошли до него! На третий день явился небольшой человечек — ни в карете, ни верхом, а просто пешком — и прямо вошел во дворец. Глаза его блеснули, как твои, волосы у него были длинные, но одет был бедно.

— Это Кай! — обрадовалась Герда. — Я нашла его! — И она захопала в ладоши.

— За спиной у него была котомка, — продолжал ворон.

— Нет, это, верно, были его салазки, — сказала Герда. — Он ушел из дома с салазками.

— Очень возможно, — согласился ворон. — Я не разглядел хорошенько. Так вот, моя невеста рассказывала мне, что, когда он вошел во дворцовые ворота и увидел гвардию в серебре, а на лестницах лакеев в золоте, он ни капельки не смутился, кивнул головой и сказал им: „Скучненько, должно быть стоять тут на лестнице; лучше мне пройти в комнаты!“ Залы были залиты светом; тайные советники и генералы расхаживали босиком, разнося золотые блюда, чего уж торжественней! А у прищельца сапоги громко скрипели, но его это не смущало.

— Это наверное, был Кай! — воскликнула Герда. — Я помню он носил новые сапоги; сама слышала как они скрипели, когда он приходил к бабушке!

— Да, они-таки скрипели порядком, — продолжал ворон. — Но он смело подошел к принцессе. Она сидела на жемчужной величине с колесо прялке, а кругом стояли придворные дамы со своими служанками и служанками служанок и кавалеры с камердинерами, слугами камердинеров и прислужниками камердинерских слуг. И чем ближе к дверям стоял человек, тем важнее и надменнее он держался. На прислужника камердинерских слуг, который всегда носит туфли и теперь стоял у порога, нельзя было и взглянуть без трепета, такой он был важный!

— Вот страх-то! — воскликнула Герда. — А Кай все-таки женился на принцессе?

— Не будь я вороном, я бы сам на ней женился, хоть я и помолвлен. Он стал беседовать с принцессой и говорил так же хорошо, как я, когда говорю по-вороньи, — так по крайней мере сказала мне моя невеста. Держался он вообще непринужденно и мило и заявил, что пришел не свататься, а только послушать умные речи принцессы. Ну так вот: ее речи ему понравились, а он понравился ей.

— Да, да, это Кай! — сказала Герда. Он ведь такой умный. Он знал все четыре действия арифметики да еще дроби! Ах, проводи же меня во дворец!

— Легко сказать, — отозвался ворон, — да как это сделать? Постой, я поговорю с моей невестой; она что-нибудь подумает и посоветует нам. А ты полагаешь, что тебя вот так прямо и впустят во дворец? Как же, не очень-то пускают таких девочек!

— Меня впустят! — молвила Герда. — Когда Кай услышит, что я тут, он сейчас прибежит за мною.

— Подожди меня здесь, у решетки. — сказал ворон, потом повертел головой и улетел.

Вернулся он уже поздно вечером и закаркал:

— Карр, карр! Моя невеста шлет тебе тысячу поклонов и вот этот хлебец она стащила его в кухне, — там хлеба много, а ты наверное, голодна... Ну, во дворец тебе не попасть: ты ведь босая — гвардия в серебре и лакеи в золоте ни за что тебя не пропустят. Но не плачь, ты все таки туда попадешь. Невеста моя знает, как пройти в спальню принцессы с черного хода, и сумеет раздобыть ключ.

И вот они вошли в сад и зашагали по длинной алее, где один за другим падали осенние листья; и когда все огоньки в дворцовых окнах погасли тоже один за другим, ворон подвел девочку к маленькой незаметной дверце.

О, как билось сердечко Герды от страха и нетерпения! Словно она собиралась сделать что-то дурное, а ведь ей только хотелось узнать, не здесь ли ее Кай! Да, да, он, конечно здесь! Она так живо представила себе его умные глаза и длинные волосы; она ясно видела, как он улыбался ей, когда они, бывало, сидели рядышком под кустами роз. Он, вероятно, обрадуется, когда увидит ее, когда услышит в какой длинный путь отправилась она ради него, когда узнает, как горевали о нем все в доме, когда он пропал! Ах, она была просто вне себя от страха и радости!

Но вот они и на площадке лестницы. На шкафу горела маленькая лампа, а на полу сидела ручная ворона и озиралась, вертя головой. Герда присела и поклонилась, как учила ее бабушка.

— Мой жених рассказывал мне о вас столько хорошего, фрёкен! — сказала ручная ворона. — И ваша *vita*¹, как это принято называть, также очень трогательна! Не угодно ли вам взять лампу, а я пойду вперед. Мы пойдем прямо, тут никого не встретим.

— А мне кажется, за нами кто-то идет, — проговорила Герда; и в ту же минуту мимо нее с легким шумом промчались какие-то тени: лошади с развевающимися гривами и стройными ногами, охотники, дамы и кавалеры верхом.

— Это сны! — сказала ручная ворона. — Они являются сюда, чтобы перенести мысли высоких особ на охоту. Тем лучше для нас — удобнее будет рассмотреть спящих. Надеюсь, однако, что, когда вы будете в чести, вы докажете, что сердце у вас благородное!

— Есть о чем говорить! Это само собой разумеется! — сказал лесной ворон.

Тут они вошли в первый зал, стены которого были обиты розовым атласом, затканым цветами. Мимо опять пронеслись сны, но так

¹ Vita -- жизнь (лат.)

быстро что Герда не успела рассмотреть всадников. Один зал был великолепнее другого. Герду эта роскошь совсем ослепила. Наконец, дошли до спальни. Здесь потолок напоминал крону огромной пальмы с драгоценными хрустальными листьями, на ее толстом золотом стволе висели две кровати в виде лилий. Одна была белая, и в ней спала принцесса; другая — красная, и в ней Герда надеялась увидеть Кая. Девочка слегка отогнула красный лепесток и увидела темно-русый затылок. Кай! Она громко назвала его по имени и поднесла лампу к самому его лицу. Сны с шумом умчались прочь; принц проснулся и повернул голову... Ах, это был не Кай!

Принц был молод и красив, но только затылком напоминал Кая. Из белой лилии выглянула принцесса и спросила, что тут происходит. Герда заплакала и рассказала обо всем, что с ней приключилось, упомянула и о том, что сделали для нее ворон и его невеста.

— Ах ты, бедняжка! — воскликнули принц и принцесса; потом похвалили ворона и его невесту, сказали, что ничуть не гnevаются на них, — только пусть больше так не поступают; даже захотели их наградить.

— Хотите быть вольными птицами, — спросила принцесса, — или желаете занять должность придворных воронов, на полном содержании из кухонных остатков?

Ворон и его невеста поклонились и попросили оставить их при дворе, — они подумали о грядущей старости и сказали:

— Хорошо ведь иметь верный кусок хлеба на склоне дней!

Принц встал и уступил свою кровать Герде, — пока что он больше ничего не мог для нее сделать. А она сложила ручки и подумала: „Как добры все люди и животные!“, потом закрыла глазки и сладко заснула. Сны опять прилетели в спальню, но теперь они везли на салазках Кая, который кивал Герде. Увы, это было лишь во сне, и как только девочка проснулась, все исчезло.

На другой день ее одели с ног до головы в шелк и бархат и позволили ей гостить во дворце сколько душе угодно. Девочка могла бы жить тут припевакчи, но она стала просить, чтобы ей дали повозку с лошастью и башмачки: она решила снова уйти и бродить по белу свету, чтобы разыскать своего названного брата.

Ей дали и башмаки, и муфту, и красивое платье; а когда она простилась со всеми, к воротам подъехала новенькая карета из чистого золота, с сияющими, как звезды, гербами принца и принцессы; кучера, лакеи и фореиторов, — ей дали и фореиторов, — все были в маленьких золотых коронах. Принц и принцесса сами усадили Герду в карету и пожелали ей счастливого пути. Лесной ворон, который уже успел жениться, провожал девочку первые три мили и сидел в карете рядом с нею, — он не мог ехать, сидя спиной к лошадям.

Его жена сидела на воротах и хлопала крыльями; она не поехала провожать Герду, потому что страдала головными болями с тех пор, как получила должность при дворе и стала объедаться. Карета была битком набита сахарными крендельками, а ящик под сиденьем — фруктами и пряниками.

— Прощай! Прощай! — закричали принц и принцесса.

Герда заплакала, жена ворона тоже. Когда карета проехала три мили, ворон простился с девочкой. Тяжело было расставаться! Ворон взлетел на дерево и махал черными крыльями, пока карета, сиявшая, как солнце, не скрылась из виду.

СКАЗКА ПЯТАЯ
МАЛЕНЬКАЯ РАЗБОЙНИЦА

Вот Герда въехала в темный лес, но карета ее сверкала так ярко, что слепила глаза встречным разбойникам, а они этого не пожелали терпеть.

— Золото! Золото! — закричали они, схватили лошадей под уздцы, убили маленьких форейторов, кучера и слуг и вытащили из кареты Герду.

— Ишь какая славненькая, толстененькая! Орешками откормлена! — сказала старуха разбойница с длинной жесткой бородой и косматыми бровями. — Жирненькая, что твой барашек! Должно быть, вкусная-превкусная!

И она вытащила сверкающий нож. Вот ужас!

Но вдруг вскрикнула: „Ай!“ Это ее укусила за ухо ее родная дочка, которая сидела у нее за спиной и была такая необузданная и своевольная, какой во всем свете не сыщешь.

— Ах ты дрянная девчонка! — закричала на нее мать, забыв про Герду.

— Она будет играть со мной, — сказала маленькая разбойница. — Она отдаст мне свою муфту и хорошенькое платьице и будет спать со мной в моей постельке.

И дочка снова укусила мать, да так, что та подпрыгнула и закружилась. Разбойники захохотали.

— Ишь как пляшет со своей девчонкой! — говорили они.

— Я хочу сесть в карету! — закричала маленькая разбойница и настояла на своем, — она была на редкость избалованная и упрямая.

Они уселись с Гердой в карету и понеслись в чащу леса по пням и кочкам. Маленькая разбойница была ростом с Герду, но сильнее, шире в плечах и гораздо смуглее. Глаза у нее были совсем черные, но какие-то печальные. Она обняла Герду и сказала:

— Они тебя не убьют, пока я на тебя не рассержусь. Ты, верно, принцесса?

— Нет, — ответила девочка и рассказала, как много ей пришлось испытать и как она любит Кая.

Маленькая разбойница бросила на нее серьезный взгляд, слегка кивнула головой и сказала:

— Они тебя не убьют, даже если я на тебя рассержусь, — скорей уж я сама тебя убью!

И она отерла слезы Герде, а потом засунула обе руки в ее хо-рошенькую муфточку, такую мягкую и теплую.

Вот карета въехала во двор разбойничьего замка и остановилась. Замок был весь в огромных трещинах, из которых вылетали вороны и воробьи. Откуда-то выскочили бульдоги, такие громадные, что любой из них мог легко проглотить человека; однако они только делали огромные прыжки, но даже не лаяли, — это было им запрещено.

Посреди просторного зала, облупленного и закопченного, на каменном полу пылал огонь; дым, ища выхода, поднимался к потолку; над огнем в огромном котле кипел суп, а на вертелах жарились зайцы и кролики.

— Ты будешь спать вместе со мной вот тут, возле моих зверюшек, — сказала Герде маленькая разбойница.

Девочек накормили, напоили, и они ушли в свой угол, где была постлана солома, покрытая коврами. Повыше, на жердочках, сидело около сотни голубей; все они, казалось, спали, но, когда девочки подошли, стали шевелиться.

— Все мои! — сказала маленькая разбойница и, схватив одного голубя за ноги, так трянула его, что тот забил крыльями. — На, поцелуй его! — крикнула она, ткнув голубя Герде прямо в лицо. — А вот тут сидят лесные плутишки, — продолжала она, указывая на двух голубей, сидевших в небольшой стенной нише, за деревянной решеткой. — Это дикие лесные плутишки, их надо держать под замком, не то живо улетят! А вот и мой милый старичок олешка! — И девочка потянула за рога привязанного к кольцу в стене северного оленя в блестящем медном ошейнике. — Его тоже нужно держать на привязи, а не то удерет! Каждый вечер я щекочу ему шею своим острым ножом, — он этого до смерти боится.

И маленькая разбойница вытащила из трещины в стене длинный нож и провела им по шее оленя. Бедный олень стал брыкаться, а девочка захохотала и потащила Герду к постели.

— Неужели ты спишь с ножом? — спросила ее Герда, боязливо покосившись на острый нож.

— Всегда! — отвечала маленькая разбойница. — Как знать, что

может случиться? Но Расскажи мне еще раз о Кая и о том, как ты странствовала по белу свету.

Герда рассказала. Лесные голуби ворковали за решеткой, другие голуби уже заснули; маленькая разбойница обвила одной рукой шею Герды, — в другой у нее был нож, — и захрапела, а Герда не могла сомкнуть глаз, все думала: убьют ее или оставят в живых? Разбойники сидели вокруг огня, пели песни и пили, а старуха разбойница кувыркалась. Страшно было бедной девочке смотреть на все это.

Вдруг лесные голуби проворковали:

— Курр! Курр! Мы видели Кая! Белая курица несла на спине его салазки, а он сидел в санях Снежной королевы. Они летели над лесом, когда мы, птенчики, еще лежали в гнезде; онадохнула на нас, и все умерли, кроме нас двоих. Курр! Курр!

— Что вы говорите! — воскликнула Герда. — А вы не знаете, куда полетела Снежная королева?

— Наверное, в Лапландию, ведь там вечный снег и лед. Спроси вон у этого оленя, что стоит на привязи.

— Да, там вечный снег и лед — чудо как хорошо! — сказал северный олень. — Как привольно там бегать по бескрайным сверкающим снежным равнинам! Там раскинут летний шатер Снежной королевы, а постоянные ее чертоги дальше, близ Северного полюса, на острове Шпицберген.

— О Кай, милый мой Кай! — вздохнула Герда.

— Лежи-ка смирно, — сказала маленькая разбойница. — А не то распорю тебе живот ножом!

Утром Герда передала ей слова лесных голубей, а маленькая разбойница серьезно посмотрела на Герду, кивнула головой и сказала:

— Ну ладно!.. А ты знаешь, где Лапландия? — спросила она затем у северного оленя.

— Кому и знать, как не мне! — ответил олень, и глаза его заблестели. — Там я родился и вырос, там скакал по снежным равнинам.

— Так слушай, — сказала Герде маленькая разбойница. — Видишь, все наши ушли, дома только мать; немного погодя она хлебнет из большой бутылки и заснет, — тогда я для тебя кое-что сделаю.

Тут девочка вскочила с постели, обняла мать, дернула ее за бороду и проговорила:

— Здравствуй, мой маленький козлик!

А мать надавала ей щелчков по носу, так что нос у девочки покраснел и посинел, — но все это любя.

После того как старуха хлебнула из своей бутылки и захрапела, маленькая разбойница подошла к северному оленю и сказала:

— Долго еще я могла бы над тобой потешаться? Очень уж ты

смешной, когда тебя щекочат острым ножом. Ну да ладно! Я тебя отвяжу и выпущу на волю, можешь убраться в свою Лапландию. Но за это ты отнесешь вот эту девочку во дворец Снежной королевы, — там ее названный брат. Ты, конечно, слышал, про что она рассказывала? Она говорила довольно громко, а ты всегда подслушиваешь.

Северный олень подпрыгнул от радости. Маленькая разбойница посадила на него Герду, крепко привязала ее и даже подсунула под нее мягкую подушечку, чтобы ей удобнее было сидеть.

— Так и быть, — сказала она, — возьми назад свои меховые сапожки, а не то ноги замерзнут! А муфту я оставлю себе, очень уж она хороша. Но я не хочу, чтобы ты озябла: вот рукавицы моей матери — видишь, какие большие, тебе до самых локтей дойдут. Надевай их! Ну вот, теперь руки у тебя, как у моей безобразной мамыши.

Герда плакала от радости.

— Терпеть не могу, когда хнычут! — сказала маленькая разбойница. — Ты теперь радоваться должна. Вот тебе еще два каравай и окорок, чтобы голодать не пришлось.

Каравай и окорок навьючили на оленя. Потом маленькая разбойница отворила дверь, заманила собак в дом, перерезала острым ножом веревку, которою был привязан олень, и сказала ему:

— Ну, живо! Да смотри береги девчонку!

Герда протянула маленькой разбойнице обе руки в огромных рукавицах и попрощалась с нею. Северный олень пустился бежать во всю прыть по пням и кочкам, по лесу, по болотам, по лугам. Выли волки, каркали вороны. „Уф! Уф!“ — послышалось вдруг с неба, и оно словно чихнуло огнем.

— Вот мое родное северное сияние! — сказал олень. — Гляди, как горит!

И он побежал дальше, не останавливаясь ни днем, ни ночью. Прошло много времени; каравай съели, ветчину тоже. Наконец, путники очутились в Лапландии.

СКАЗКА ШЕСТАЯ

ЛАПЛАНДКА И ФИНКА

Олень остановился у жалкой избушки — крыша ее свисала до самой земли, а дверь была такая низенькая, что людям приходилось вползать в нее на четвереньках. Дома была только старуха лапландка, жарившая рыбу при свете коптилки, в которой горела ворвань. Северный олень рассказал старухе всю историю Герды, но сначала свою собственную, так как она казалась ему гораздо важнее. Герда же так ооченела от холода, что и говорить не могла.

— Ах вы бедняги! — сказала старуха. — Долгонько еще вам быть в пути! Придется пробежать сто миль с лишним, пока доберетесь до Финмарка, — там Снежная королева живет на даче и каждый вечер зажигает голубые бенгальские огни. Погодите, я напишу два слова на вяленой треске — бумаги у меня нет, — а вы снесете треску финке, что живет в тех местах, и она лучше моего сумеет вас научить, что делать.

Когда Герда согрелась, поела и попила, старуха написала несколько слов на вяленой треске, велела Герде хорошенько беречь ее, потом привязала девочку к спине оленя, и тот помчался снова. „Уф, Уф!“ — снова зачихало небо и стало выбрасывать столбы чудесного голубого пламени. При его свете олень с Гердой добежал до Финмарка и постучался в дымовую трубу финки, — в ее доме и дверей-то не было.

Ну и жарко там было! Сама финка, низенькая грязная женщина, ходила полуголая. Она живо расстегнула платье Герды, сняла с нее рукавицы и сапоги, — а не то девочке было бы слишком жарко, — положила оленю на голову кусок льда, затем принялась читать письмо на вяленой треске. Она три раза прочла его от слова до слова, пока не выучила на память, потом сунула треску в котел с супом: рыба еще годилась в пищу, а у финки ничего даром не пропадало.

Тут олень рассказал сначала свою историю, потом историю Герды. А финка помалкивала, только щурила свои умные глазки.

— Ты такая мудрая женщина, — сказал олень. — Я знаю, ты можешь связать одной ниткой все четыре ветра: когда шкипер развяжет один узел — подует попутный ветер, развяжет другой — погода разыграется, развяжет третий и четвертый — подымается такая буря, что деревья валиться станут. Свари, пожалуйста, девочке питье, которое даст ей силу дюжины богатырей! Тогда она одолеет Снежную королеву.

— Силу дюжины богатырей! — воскликнула финка. — Да, все это ей пригодится!

Тут она взяла с полки и развернула большой кожаный свиток, он был покрыт какими-то странными письменами; финка принялась разбирать их, и разбирала так усердно, что пот градом катился с ее лба.

Олень опять принялся просить за Герду, а сама Герда смотрела на финку такими умоляющими, полными слез глазами, что та заморгала, отвела оленя в сторону и, меняя лед ему на голове, шепнула:

— Кай в самом деле у Снежной королевы, но он всем доволен и думает, что лучше ему нигде быть не может. А всему причиной осколки зеркала, что сидят у него в глазу и в сердце. Их надо

вынуть, а не то он никогда не станет прежним и вечно будет под властью Снежной королевы.

— А нет ли у тебя средства сделать Герду всемогущей?

— Сильнее, чем она есть, я не могу ее сделать. Неужто ты сам не видишь, как велика ее сила? Подумай, ведь ей служат и люди и животные! Она босиком обошла полсвета! Но мы не должны говорить ей о той силе, что скрыта в ее сердце. А сила ее в том что она невинный милый ребенок. Если она сама не сможет проникнуть в чертоги Снежной королевы и вынуть из глаза и сердца Кая осколки, то мы и подавно не сможем! В двух милях отсюда начинается сад Снежной королевы. Отнеси туда девочку, оставь ее у большого куста, что стоит в сугробе, усыпанный красными ягодами, и не мешкая возвращайся сюда.

Тут финка посадила Герду на спину оленя, и он бросился бежать со всех ног.

— А теплые сапоги! А рукавицы! — крикнула Герда; она про них вспомнила, когда ее стал пробирать мороз.

Но олень не смел остановиться, пока не добежал до куста с красными ягодами; тут он спустил девочку на снег, поцеловал ее в губы, и вдруг из глаз его покатались крупные блестящие слезы. Затем он стрелой помчался назад.

Бедная девочка осталась одна, на трескучем морозе, без башмаков, без рукавиц. Она побежала вперед что было мочи. Навстречу ей мчался целый полк снежных хлопьев, но они падали не с неба, — небо было совсем ясное, и на нем плыло северное сияние, — нет, они неслись по земле прямо на Герду и казались тем крупнее, чем ближе подлетали. Герда вспомнила большие красивые снежинки под увеличительным стеклом, но эти хлопья были гораздо больше и страшнее; а кроме того, вид у них был самый диковинный и двигались они сами, как живые. Это были передовые отряды войска Снежной королевы. Некоторые хлопья напоминали больших безобразных ежей, другие походили на клубок змей, вытянувших головы, третьи на толстых медвежат с взъерошенной шерстью. Но все они одинаково сверкали белизной, и все были живые.

Было так холодно, что ее дыхание мгновенно превращалось в густой туман. Туман этот все сгущался и сгущался; но вот в нем стали возникать маленькие человечки, которые, ступив на землю, вырастали. Они были увенчаны шлемами, вооружены копьями и щитами. Их становилось все больше и больше. И уже целый легион окружал Герду. Воины пронзали снежные страшилища копьями, и хлопья рассыпались на тысячи снежинок. Теперь Герда могла смело идти

вперед; воины погладили девочке руки и ноги, и ей стало теплее. Наконец, она добралась до чертогов Снежной королевы.

Но сначала послушаем, что в это время делал Кай. Он и не думал о Герде; он и не подозревал, что она близко — стоит за стеной замка.

СКАЗКА СЕДЬМАЯ

ЧТО БЫЛО В ЧЕРТОГАХ
СНЕЖНОЙ КОРОЛЕВЫ
И ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ПОТОМ

Стены чертогов были наметены снежными метелями, окна и двери пробиты свирепыми ветрами. Громадные залы, возведенные прихотью вьюг, сотнями тянулись непрерывной грядой, освещенные северным сиянием; и самый большой простирался на много-много миль. Как холодно, как пусто было в белых, ярко сверкающих чертогах! Веселье сюда и не заглядывало! Никогда не устраивались здесь медвежьи балы с танцами, под музыку бури — с танцами в которых белые медведи могли бы отличиться грацией и умением ходить на задних лапах; никогда не составлялись партии в карты с ссорами и дракой, и беленькие кумушки-лисички не сходились на беседу за чашкой кофе, — нет, никогда, никогда этого не случалось! Холодно было здесь, пусто, мертво и величественно! Северное сияние вспыхивало и мерцало так ритмично, что можно было точно рассчитать, в какую минуту свет разгорится всего ярче и в какую почти угаснет. Посреди самого большого снежного зала, бесконечного и пустого, сверкало замерзшее озеро. Лед на нем треснул, и трещины разделили его на тысячи кусков, таких одинаковых и правильных, что это казалось каким-то чудом. Посреди озера восседала Снежная королева, когда была дома; она называла его зеркалом разума — самым совершенным зеркалом в мире.

Кай совсем посинел, даже чуть не почернел от холода, но не замечал этого, — поцелуи Снежной королевы сделали его нечувствительным к стуже, да и самое сердце его превратилось в кусок льда. Мальчик возился с плоскими остроконечными льдинами, укладывая их на всевозможные лады, — он хотел что-то сложить из них. Есть такая игра, которая называется „китайской головоломкой“; она состоит в том, что из деревянных дощечек складываются разные фигуры. Кай тоже складывал всякие затейливые фигуры, но из льдин. Это называлось „ледяной головоломкой“. В его глазах эти фигуры были чудом искусства, а складывание их — занятием первостепенной важности. Так ему казалось потому, что в глазу у него сидел оско-

лок волшебного зеркала. Из льдин Кай складывал слова, но никак не мог сложить слово „вечность“, чего ему особенно хотелось. Снежная королева сказала ему: „Только сложи это слово — и ты будешь сам себе господин, а я подарю тебе весь свет и новые коньки“. Но слово не давалось Каю, он никак не мог его сложить.

— Теперь я полечу в теплые края, — сказала Снежная королева, — загляну в черные котлы. — Котлами она называла кратеры огнедышащих гор, Везувия и Этны. — Я их немножко побелю. Когда снег осыпает лимоны и виноград, это для них полезно.

И она улетела, а Кай остался один в необозримом, пустынном зале; он смотрел на льдины и все думал, думал до того, что голова у него заболела. Он сидел на одном месте, бледный, неподвижный, словно неживой. Могло показаться, что он замерз.

А Герда тем временем входила в огромные ворота, где ее встретили вечно веющие свирепые ветры. Когда она вошла, ветры улеглись, словно заснули, потом она вступила в огромный пустынный ледяной зал и увидела Кая. Герда сразу узнала его и бросилась ему на шею; крепко обняла его и воскликнула:

— Кай! Милый мой Кай! Наконец-то я тебя нашла!

Но он сидел все такой же неподвижный и холодный. Тогда Герда заплакала; горячие слезы ее упали Каю на грудь, проникли ему в сердце, растопили ледяную кору и осколок растаял. Кай взглянул на Герду, а она запела:

Розы цветут... Цветут всегда!

Но нас нельзя разлучить никогда.

Кай вдруг разрыдался, и рыдал так бурно, что осколок выпал у него из глаза, его смыли слезы. И вот он узнал Герду и так обрадовался!

— Герда! Милая моя Герда!.. Где ж это ты была так долго? Где был я сам? — и он оглянулся кругом. — Как здесь холодно, пустынно!

Он крепко прижался к Герде. Она смеялась и плакала от радости. Да, радость ее была так велика, что даже льдины заплясали, а когда утомились, легли и составили то самое слово, которое Каю велела сложить Снежная Королева; сложив его, Кай мог сделаться сам себе господином да еще получить от нее в дар весь свет и новые коньки.

Герда поцеловала Кая в обе щеки — и щеки его опять зарумянились, поцеловала его в глаза; поцеловала его руки и ноги — и он опять стал бодрым и здоровым. Теперь Кай ничуть не страшился прибытия Снежной королевы: его вольная лежала тут, написанная блестящими ледяными буквами.

Кай и Герда вышли рука об руку из ледяных чертогов; они шли и говорили о бабушке, о розах, что свешивались с крыши у них дома, на родине, и на пути их стихали свирепые ветры, а солнечные лучи пробивали тучи. У куста с красными ягодами их встретил северный олень. Он привел с собою молодую оленуху; вымя ее было полно молока, и она напоила молоком Кая и Герду и поцеловала их в губы. Затем Кай и Герда отправились сначала к финке, отогрелись у нее в теплой комнатке и узнали дорогу домой; потом заехали в Лапландию к старушке. Она еще до их прихода сшила им новую одежду; а когда починила свои сани, посадила в них Кая и Герду и поехала их провожать.

Оленья парочка тоже провожала молодых путников вплоть до самой границы Лапландии, где уже пробивалась первая зелень. Тут Кай и Герда простились с оленями и старушкой.

— Счастливым путем! — говорили им провожатые.

Вот перед ними и лес. Запели первые птички, деревья покрылись зелеными почками. Из лесу, навстречу путникам, выехала верхом на великолепном коне молодая девушка в яркочерной шапочке и с пистолетами за поясом. Герда сразу узнала и коня — он когда-то возил золотую карету. А девушка оказалась маленькой разбойницей: ей наскучило жить дома и захотелось побывать на севере, а если там не понравится — то и в других местах. Она тоже сразу узнала Герду. Вот была радость!

— Ах ты бродяга! — сказала она Каю. — Хотела бы я знать, стоишь ли ты того, чтобы за тобой бегали на край света!

Герда погладила ее по щеке и спросила о принце и принцессе.

— Они уехали в чужие края. — ответила молодая разбойница.

— А ворон? — спросила Герда.

— Лесной ворон умер; ручная ворона овдовела, ходит с черной шерстинкой на ножке и жалуется на судьбу. Но все это пустяки, а ты вот Расскажи-ка лучше, что с тобой было и как ты нашла Кая?

Герда и Кай рассказали ей обо всем.

— Ну, вот и сказке конец! — воскликнула молодая разбойница и, обещав навестить их, если когда-нибудь заедет в их город, пожала им руки. Затем она отправилась странствовать по белу свету, а Кай и Герда рука об руку пошли домой. И там, где они шли, расцветали весенние цветы, зеленела травка. Но вот послышался колокольный звон, и показались высокие башни их родного города. Они поднялись по знакомой лестнице и вошли в комнату, где все было по старому: маятник все так же стучал „тик-так“, а стрелка двигалась по циферблату. Но, входя в низенькую дверь, они заметили, что выросли. Цветущие розовые кусты заглядывали с водо-

сточного желоба в открытое окошко; тут же стояли детские скамеечки. Кай с Гердой уселись на них и взяли друг друга за руки. Холодное, пустынное великолепие чертогов Снежной королевы забылось, как тяжелый сон. Бабушка сидела греясь на солнышке.

Кай и Герда взглянули друг на друга и тут только поняли смысл старой песни:

Розы цветут... Цветут всегда!
Но нас нельзя разлучить никогда.

Так сидели они рядышком, уже взрослые, но дети сердцем и душою, а на дворе стояло теплое благодатное лето!

Дюймовочка

Жила на свете одна женщина и не было у нее детей. А ей очень хотелось иметь ребенка, но она не знала, где его найти. Вот пошла она к старой колдунье и сказала: „Мне очень хочется ребеночка; может, ты скажешь, где мне его взять?“

— Ну что ж, горю твоему можно помочь!—

ответила колдунья. — Вот тебе ячменное зерно; это не простое зерно, не такое, как те, что посеяны в поле или идут на корм курам. Посади это зернышко в цветочный горшок, а потом увидишь, что будет.

— Спасибо тебе! — сказала женщина, дала колдунье денег и пошла домой.

Дома она посадила в цветочный горшок ячменное зерно, и из него тотчас же вырос прекрасный большой цветок, похожий на тюльпан, только лепестки у него были плотно сжаты, точно у нераспустившегося бутона.

— Какой красивый цветок! — воскликнула женщина и поцеловала прелестные, красные с желтым, лепестки; но не успела она их поцеловать, как в цветке что-то щелкнуло, и он весь раскрылся, — теперь стало ясно, что это настоящий тюльпан. В его чашечке, на зеленом пестике, сидела хорошенькая крошечная девочка, ростом не больше дюйма. Поэтому назвали ее Дюймовочкой.

Блестящая лакированная скорлупа грецкого ореха служила ей колыбелькой, голубые фиалки тюфяком, а лепесток розы — одея-

лом. Ночью она спала в колыбели, а днем играла на столе. Женщина поставила на стол тарелку с водой и положила в нее цветы так, что стебельки их были погружены в воду, а чашечки венком лежали по краям; на воду она пустила большой лепесток тюльпана, — на него часто садилась Дюймовочка и плавала от одного края тарелки до другого, два белых конских волоса заменяли ей весла. Все это было прелестно! Еще Дюймовочка умела петь, да таким нежным и красивым голоском, какого никто на свете не слыхивал.

Однажды ночью, когда она лежала в своей хорошенькой колыбели, в разбитое окно вскочила отвратительная жаба, большая и мокрая. Она прыгнула прямо на стол, где под лепестком розы спала Дюймовочка.

— Вот славная жена для моего сына! — квакнула жаба и, схватив скорлупку с девочкой, выпрыгнула через окно в сад.

В саду протекал большой, широкий ручей; берега у него были топкие, болотистые, и здесь-то, в тине, и жила жаба со своим сыном. У! Какой он был гадкий и противный! Вылитая мать! „Коакс, коакс, брекке-ке-кекс!“ — вот все, что он смог проквакать, когда увидел прелестную девочку в ореховой скорлупе.

— Тише! Не то она проснется и убежит от нас! — остановила его старая жаба. — Она ведь легче лебединого пуха. Посадим ее на середину ручья, на широкий лист кувшинки, такой крошке он покажется целым островом. С листа она убежать не сможет, а мы тем временем приготовим в тине удобное гнездышко, в котором вы будете жить.

В ручье росло много белых кувшинок, и их широкие зеленые листья плавали по воде. Самый большой лист был дальше всех от берега. Старая жаба подплыла к этому листу и поставила на него ореховую скорлупку с Дюймовочкой. Рано утром бедная крошка проснулась и, увидев, куда она попала, горько заплакала, — кругом, куда ни посмотришь, вода да вода, а берег чуть виднеется вдали.

А старая жаба сидела в тине и украшала свой дом камышом и желтыми кувшинками, — ей хотелось порадовать будущую невестку. Покончив с приготовлениями к свадьбе, она поплыла со своим безобразным сыном к листу, на котором стояла Дюймовочка, чтобы забрать ее нарядную кровать и заранее поставить в спальню будущих новобрачных. Приблизившись, старая жаба низко присела в воде перед девочкой и сказала:

— Вот мой сынок! Он будет твоим мужем. И вы славно проживете у нас в тине.

— Коакс, коакс, бреке-ке-кекс! — проквакал сынок.

Жабы взяли нарядную кроватку и куда-то уплыли с ней. А Дюймовочка сидела одна на зеленом листе и горько-горько плакала, — очень уж ей не хотелось жить у гадкой жабы и выходить замуж за ее противного сына. Маленькие рыбки, которые плавали в воде под листом, видели жабу и слышали ее слова, и теперь они высунули головы из воды, чтобы поглядеть на Дюймовочку. Как только они ее увидели, им стало очень грустно, что такой прелестной девочке придется жить у гадкой жабы. „Так не бывать же этому!“ — решили рыбки и подплыв к листу кувшинки, на котором стояла Дюймовочка, перекусили его зеленый стебель. И вот лист с Дюймовочкой быстро поплыл по течению, — теперь жаба не могла бы догнать девочку.

Дюймовочка плыла все дальше и дальше. Птички, сидевшие в кустах, смотрели на нее и пели: „Какая прелестная и маленькая девочка!“ А лист все плыл да плыл, и, наконец, Дюймовочка очутилась в чужих краях.

Вокруг Дюймовочки все время порхал красивый белый мотылек и, наконец, опустился на ее лист — уж очень она ему понравилась. А Дюймовочка радовалась, что гадкая жаба не может ее догнать, что все вокруг так красиво, а вода сверкает на солнце, как червонное золото. Дюймовочка сняла с себя пояс, один его

конец набросила на мотылька, а другой прикрепила к листу — и лист поплыл еще быстрее.

Мимо летел майский жук. Увидев девочку, он обхватил ее лапкой за тонкую талию и унес на дерево, а лист кувшинки поплыл дальше, и с ним мотылек, — он ведь был привязан и не мог освободиться.

Как испугалась бедная Дюймовочка, когда майский жук схватил ее и посадил на дерево! Но не так она боялась за себя, как за красивого белого мотылька, которого привязала к листу, — она знала, что, если ему не удастся освободиться, он умрет с голоду. Майский жук об этом и не помышлял. Он уселся с Дюймовочкой на самый большой лист, угостил ее сладким цветочным соком и сказал, что она очаровательна, хоть и ничуть не похожа на майского жука. Потом к ним прилетели гости — другие майские жуки, которые жили на том же дереве. Они разглядывали Дюймовочку с головы до ног, и барышни шевелили усиками и говорили!

— У нее только две ножки! Какое убожество!

— У нее даже нет усиков!

— Какая у нее тонкая талия! Фи, она похожа на человека! Как она некрасива! — твердили в один голос все дамы.

На самом деле Дюймовочка была прелестна. Это находил и майский жук, который принес ее на дерево; но когда все остальные сказали, что она безобразна, он под конец сам поверил этому и не стал держать ее у себя: пусть идет куда знает, решил он. И вот он слетел с Дюймовочкой на землю и посадил ее на ромашку. Дюймовочка горько заплакала: ей было обидно, что она такая некрасивая, — даже майские жуки не захотели принять ее к себе. А ведь она была самой очаровательной девочкой, какую только можно себе представить: нежная и ясная, как прекрасный розовый лепесток.

Все лето прожила бедная Дюймовочка одна-одинешенька в большом лесу. Она сплела себе из травинок кроватку и подвесила ее под лист лопуха, чтобы ее не замочил дождик; она ела сладкую цветочную пыльцу и пила росу, которую каждое утро находила на листьях. Так прошло лето, прошла и осень; приближалась длинная, холодная зима. Все птички, которые так радовали Дюймовочку своим пением, улетели в теплые края, цветы завяли, листья осыпались, а большой лопух, под которым она жила, пожелтел, высох и свернулся в трубочку. Платице Дюймовочки изорвалось, и она все время зябла; а ведь она была такая нежная и маленькая, долго ли ей было замерзнуть. Пошел снег, и каждая снежинка была для Дюймовочки словно целая лопата снега для нас: мы-то ведь большие, а она была всего

в дюйм ростом. Она завернулась было в сухой листок, но он разорвался, и бедняжка дрожала от холода.

Однажды Дюймовочка выбралась из леса на большое поле; хлеб давно уже был убран, и только голые сухие соломинки торчали из мерзлой земли. Дюймовочка шла между ними, как в густом лесу, и холод пронизывал ее. Наконец, она подошла к норке, прикрытой сухими былинками. Тут, в тепле и довольстве, жила полевая мышь; амбары ее были битком набиты зерном, кухня и кладовая ломились от припасов. Бедная Дюймовочка стала у порога, как нищенка, и попросила подать ей хоть кусочек ячменного зернышка, — вот уже два дня, как у нее крошки во рту не было.

— Ах ты, бедняжка! — сказала полевая мышь, она была добрая старуха. — Ну, иди сюда скорей, погрейся да поешь со мной.

И так понравилась Дюймовочка старой мыше, что та предложила:

— Оставайся у меня на зиму. Только смотри, хорошенько убирай мои комнаты и рассказывай мне сказки, — я до них большая охотница.

Дюймовочка осталась; она все делала так, как приказывала добрая старая мышь, и жилось ей хорошо.

— Скоро у нас будут гости, — сказала однажды полевая мышь, — раз в неделю ко мне приходит мой сосед. Он живет еще лучше меня, в просторном доме, и носит роскошную шубку из черного бархата. Вот если б тебе посчастливилось выйти за него замуж, ты бы жила без забот. Но только он слепой. Ты должна будешь рассказывать ему самые красивые сказки, какие только знаешь!

Но Дюймовочке вовсе не хотелось выходить замуж за соседа, — ведь он был крот. Вскоре он пришел к полевой мыше с визитом, одетый в черную бархатную шубку.

— Он такой важный, ученый, богатый, — говорила полевая мышь, — дом его в двадцать раз больше моей норки; но он ненавидит солнце и цветы, считает их отвратительными, — он ведь никогда их не видел.

Мышь приказала Дюймовочке что-нибудь спеть; и она спела две песенки, да так мило, что крот, очарованный ее прелестным голосом, сразу в нее влюбился. Но он не сказал ни слова — ведь он был мужчина степенный.

Немного погодя он прорыл длинный подземный ход от своего дома до жилья полевой мыши и разрешил ей и Дюймовочке гулять по этому коридору когда им вздумается. Однако он предупредил их, чтобы они не пугались мертвой птицы — самой настоящей птицы, с перьями и клювом, — которая умерла, должно быть, совсем не-

давно, в начале зимы, и была похоронена как раз в том месте, где он прорыл свой ход.

Крот взял в зубы кусок гнилушки — она ведь светится в темноте — и пошел вперед, освещая длинный темный коридор. Когда они дошли до того места, где лежала мертвая птица, крот ткнул мордой в земляной потолок и пробил в нем большую дыру, через которую в коридор проник дневной свет.

Дюймовочка увидела мертвую ласточку: ее красивые крылышки были крепко прижаты к телу, голову и лапки она втянула, и, прикрытые перьями, они не были видны; скорей всего, бедная птичка умерла от холода. Дюймовочке стало очень жалко ее — ведь она так любила птичек, которые целое лето утешали ее своими песенками. А крот толкнул мертвую ласточку короткими лапами и сказал:

— Наконец-то перестала пищать! Нет ничего хуже, чем родиться птицей. Слава богу, детям моим не грозит эта участь. Птицы только и умеют что чирикать да щебетать, а придет зима — что им делать, как не помирать с голоду.

— Вам хорошо говорить, вы человек благоразумный, — отозвалась полевая мышь. — Вполне с вами согласна: что проку от чириканья, когда придет зима! Песнями сыт не будешь, а чириканьем не согреешься. Потому-то птицы и умирают от голода и холода. Впрочем это судьба всех бедных, но благородных людей.

Дюймовочка не сказала ни слова; когда же крот с мышью повернулись спиной, она наклонилась над ласточкой, раздвинула ее перышки и поцеловала ее прямо в закрытые глазки.

„Может быть, это та самая ласточка, которая так чудесно пела летом, — подумала она. — Как много радости доставила она мне, милая красивая птичка!“

Потом крот опять заделал дыру, сквозь которую проникал дневной свет, и проводил своих дам домой. Ночью Дюймовочка никак не могла уснуть. Она встала с постели, сплела из сухих былинков большое красивое одеяло и, войдя в коридор, укрыла мертвую птичку, потом принесла из мышиной норки цветочных тычинок, легких, как вата, и обложила ими ласточку, чтобы ей не так холодно было лежать в сырой земле.

— Прощай, прелестная птичка! — сказала Дюймовочка. — Прощай, и спасибо тебе за то, что ты так чудесно пела мне летом, когда деревья были еще зеленые и нам ласково светило солнце!

Потом она склонила головку на грудь птички и вздрогнула, услышав: „Стук! Стук!“ — это забилося сердце ласточки. Оказывается, она вовсе не умерла, только окоченела, а теперь отогрелась и ожила.

Осенью все ласточки улетают в теплые края; и если одна из них опоздает улететь, то вскоре коченеет, как мертвая, падает на землю, и ее засыпает холодным снегом.

Дюймовочка дрожала от страха: ведь птичка была просто великаншей по сравнению с ней, такой крошкой, — но все-таки собралась с духом, потеплей укутала ласточку и прикрыла ей голову листом мяты, которым всегда укрывалась сама.

На следующую ночь Дюймовочка опять потихоньку пробралась к ласточке. Теперь бедняжка совсем ожила, но все еще была очень слаба и, чуть приоткрыв глаза, смотрела на Дюймовочку, которая стояла перед ней с гнилушкой в руках вместо фонарика.

— Спасибо тебе, милая крошка! — чирикнула больная ласточка. — Я так хорошо согрелась! Скоро совсем поправлюсь и опять полечу на солнышко.

— Ах, — сказала Дюймовочка, — сейчас на дворе мороз и снег идет! Лежи лучше в теплой постельке, а я буду за тобой ухаживать.

И она принесла ласточке воды в чашечке цветка. Птичка попила и рассказала Дюймовочке, как поранила себе крыло о терновый куст и потому не смогла улететь в теплые края вместе с другими ласточками. Когда настали холода, она окоченела и упала на землю, — больше ничего она не помнила и не знала, как попала сюда.

Всю зиму она просидела в подземном коридоре, а Дюймовочка ухаживала за ней. Она очень привязалась к птичке. Полевая мышь и крот ни о чем не догадывались: они чувствовали отвращение к ласточке и не ходили туда, где она лежала.

Как только настала весна и солнце пригрело землю, ласточка простилась с Дюймовочкой. Девочка сделала отверстие в потолке — там, где его заделал крот, — солнышко заглянуло в темный коридор, и ласточка спросила, не хочет ли Дюймовочка сесть ей на спину и полететь с нею в зеленый лес. Но девочка не захотела покинуть старую полевую мышь, зная, что это очень огорчит ее.

— Нет, я не могу лететь с тобой, — сказала она ласточке.

— Прощай, прощай, добрая прелестная девочка! — прощепетала ласточка и вылетела на волю.

Дюймовочка поглядела ей вслед и глаза ее наполнились слезами, — уж очень она любила бедную птичку.

— Кви-вить! Кви-вить! — прочирикала птичка и улетела в зеленый лес.

Дюймовочке было очень грустно, ведь ее никогда не пускали погреться на солнышке, а хлеб, который посеяли на поле вокруг норки полевой мыши, так разросся, что казался малютке огромным лесом.

— Ты теперь невеста, Дюймовочка, — сказала однажды мышь. —

К тебе посватался наш сосед. Какое тебе счастье выпало, бедняжка! Теперь придется тебе шить приданое — и шерстяные платья и белье; надо, чтобы у тебя всего было вдоволь, когда ты будешь женой крота.

И Дюймовочке пришлось прядь целыми днями; а мышь наняла четырех пауков-ткачей, и они ткали круглые сутки. Крот каждый вечер приходил в гости и все болтал о том скоро-де конец лету и солнце престанет палить; это хорошо — и без того земля стала твердой, как камень. А когда кончится лето, они сыграют свадьбу.

Но Дюймовочка вовсе этому не радовалась, она ни капельки не любила скучного крота. Каждое утро на восходе солнца и каждый вечер на закате она выскользывала на порог мышиной норки и, когда ветер раздвигал колосья, видела кусочек неба. Дюймовочка думала тогда: „Как хорошо и светло там, на воле!“ И ей очень хотелось

увидеть милую ласточку. Но птички нигде не было видно; наверное, она улетела далеко-далеко, в зеленый лес.

Когда наступила осень, все приданое Дюймовочки было готово.

— Свадьба твоя будет через месяц, — заявила ей как-то полевая мышь.

Дюймовочка заплакала и сказала, что не хочет выходить за скучного крота.

— Глупости! — отрезала мышь. — Перестань упрямяться, а не то я укушу тебя. У тебя будет прекрасный муж! Такой черной бархатной шубы у самой королевы нету. Все закрома и подвалы у него полным-полны. Бога надо благодарить за такого мужа!

И вот настал день свадьбы. Крот пришел за невестой, чтобы увести ее к себе глубоко под землю, куда не проникал свет ясного солнышка, потому что крот его терпеть не мог. Тяжело было бедной девочке навсегда распрощаться с ясным солнышком, и она с разрешения полевой мыши вышла полюбоваться им в последний раз.

— Прощай, красное солнышко! — сказала Дюймовочка, стоя на пороге норки, и протянула вверх руки. Немного погодя она вышла на поле; хлеб здесь был уже убран, из земли торчали только сухие соломинки. — Прощай и ты, — сказала она и обняла красный цветок, который уцелел случайно. — Поклонись от меня милой ласточке, если увидишь ее.

— Кви-вить, кви-вить! — послышалось вдруг где-то в вышине.

Дюймовочка подняла глаза и увидела пролетающую мимо ласточку. Птичка очень обрадовалась, узнав Дюймовочку, а та, обливаясь слезами, рассказала, как ей не хочется выходить замуж за уродливого крота и жить под землей, куда никогда не заглядывает солнышко.

— Наступает холодная зима, — сказала ласточка. — Я улетаю далеко-далеко, в теплые края. Хочешь лететь со мной? Садись ко мне на спину, только привяжи себя покрепче поясом, и мы улетим с тобой подальше от противного крота и его темного подземелья. Мы полетим над горами в жаркие страны, где солнце светит ярче, чем здесь, где круглый год продолжается лето и цветут чудесные цветы. Полетим со мной, милая Дюймовочка! Ты ведь спасла мне жизнь, когда я замерзала в темной холодной земле.

— Да, я полечу с тобой! — сказала Дюймовочка.

Она уселась птичке на спину, уперлась ножками в ее распростертые крылья и привязала себя поясом к самому большому перу. Ласточка стрелой взвилась в воздух и полетела над лесом и морем, над высокими снежными горами. Дюймовочке стало очень холодно, и она зарылась в теплые перья ласточки, высунув лишь головку, чтобы полюбоваться красотой земли, над которой они летели.

Но вот и теплые края. Солнце здесь светило гораздо ярче, небо было в два раза выше, чем у нас, а вдоль изгородей рос чудесный зеленый и черный виноград. В лесах зрели апельсины и лимоны, пахло миртами и мятой, а по дорожкам бегали веселые ребятишки и ловили больших пестрых бабочек. Но ласточка летела все дальше, и места, над которыми она летела теперь, были еще красивее. На берегу голубого озера стоял, сверкая белым мрамором, старинный замок, окруженный пышными зелеными деревьями. Виноградные лозы обвивали его высокие колонны, а на самом верху под крышей, лепились гнезда ласточек. В одном из них и жила та ласточка, которая сейчас несла Дюймовочку.

— Вот мой дом, — сказала она. — А ты выбери себе внизу самый красивый цветок. Я отнесу тебя туда, где он растет, и ты поселись в нем; там тебе будет уютно.

— Ах, как хорошо! — воскликнула девочка и захлопала крошечными ручонками.

Внизу лежала большая разбитая мраморная колонна; падая на землю, она раскололась на три куска, и между обломками выросли чудесные крупные белые цветы. Ласточка посадила Дюймовочку на широкий лепесток одного цветка. Но что за чудо: в чашечке цветка сидел крошечный человек, ростом не выше Дюймовочки и совсем прозрачный, — казалось, он был из хрусталя! На голове у него была красивая золотая корона, а за плечами сверкали блестящие крылья. Это был эльф. Такие же эльфы — юноши или девушки — жили в каждом цветке, а этот был королевский сын.

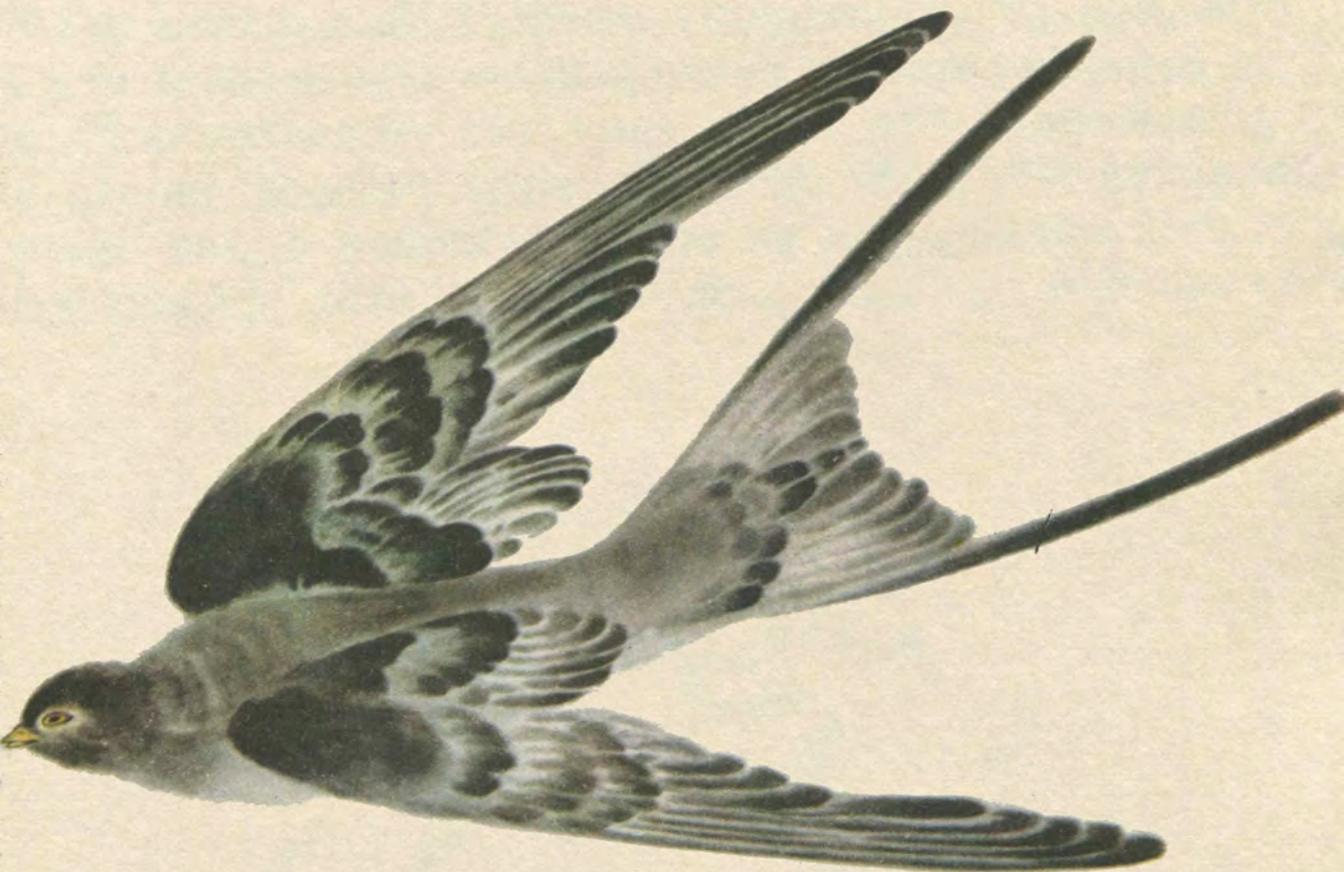
— Боже, как он красив! — шепнула Дюймовочка ласточке.

Та подлетела к цветку, и маленький принц очень испугался — ведь по сравнению с ней он был совсем крошечный и слабый. Но, увидев Дюймовочку, он пришел в восторг, — такой хорошенькой девушки он еще никогда не видел. И вот он снял с себя корону и надел ее на Дюймовочку, потом спросил, как ее зовут и не хочет ли она выйти за него замуж и сделаться царицей цветов? Вот это был настоящий жених! Не то что сын жабы или крот в бархатной шубе. Поэтому Дюймовочка дала согласие красивому принцу. Из всех цветов вылетели эльфы — юноши и девушки, такие прелестные, что Дюймовочка никак не могла на них налюбоваться. Каждый преподнес невесте подарок, и больше всего ей понравились прозрачные крылья большой стрекозы. Их надели Дюймовочке на спину, и теперь она тоже могла перелетать с цветка на цветок. То-то была радость! Ласточка сидела высоко в своем гнезде. Ее попросили спеть свадебную песню, и она старалась петь как можно лучше, но втайне

все-таки грустила, потому что любила Дюймовочку и не хотела с ней расставаться.

— Тебя больше не будут звать Дюймовочкой, — сказал невесте эльф. — Это некрасивое имя, а ты такая хорошенькая! Тебя будут звать Майей.

— Прощай, прощай! — прошептала ласточка и с тяжелым сердцем улетела из теплых стран на родину в далекую Данию. Там у нее было гнездышко, как раз над окном того человека, который умеет рассказывать сказки. Он услышал ее „кви-вить, кви-вить“, а от него и мы узнали всю эту историю.

Новое платье короля

Много лет назад жил король, который так любил красивые и новые платья, что все деньги тратил на одежду. Он не заботился о своих войсках, не интересовался театром, не любил гулять и если ходил на военные парады, в театр или на прогулку, то лишь затем, чтобы показаться в новом платье. Для каждого часа суток у него был особый наряд; и если о некоторых королях часто говорят: „Король в совете“, то о нем говорили: „Король в гардеробной“.

В том большом городе, где он жил, люди проводили время весело, и туда каждый день приезжали иностранцы. Однажды явились и два обманщика, которые выдавали себя за ткачей и уверяли, будто могут вы ткать такую чудесную ткань, какой еще свет не видывал. Не говоря уж о замечательно красивых красках и узоре этой ткани, сшитые из нее платья обладают удивительным свойством: их не может видеть человек, который не справляется со своими служебными обязанностями или же просто очень глуп, — для такого они превращаются в невидимки.

„Вот так платья! — подумал король, когда услышал об этом. — Надену такое и сразу узнаю, кто из моих подданных не справляется со своими обязанностями, а кроме того сумею отличить умных от глупых. Надо, чтобы для меня немедленно начали ткать эту ткань! И он дал обманщикам много денег вперед, с тем чтобы они тотчас приступили к работе.“

Обманщики поставили два ткацких станка и стали делать вид, что работают, хотя на станках у них ровно ничего не было. То и дело требовали они тончайшей и отборной золотой пряжи, а получив ее, прятали по карманам и продолжали работать на пустых станках; и так с утра и до поздней ночи.

„Хотелось бы мне знать, много ли они наткали“, — подумал король; но все же ему было как-то не по себе при мысли о том, что ни один дурак, ни один человек, который не справляется со своими обязанностями, не увидит ткани. Конечно, за себя ему нечего беспокоиться, думал он, но не лучше ли послать кого-нибудь другого посмотреть работу ткачей? Весь город знает, каким чудесным свойством обладает их ткань и всем не терпится поскорее узнать, очень ли глуп и плох сосед.

„Пошлю-ка я к ткачам своего старого честного министра, — подумал король, — он лучше всех разбирается в достоинствах ткани. Он и умен, он и должности своей соответствует как нельзя лучше“.

И вот престарелый почтенный министр вошел в зал, где перед пустыми станками сидели обманщики, взглянул на станки и вытаращил глаза. „Боже мой! Что же это такое? — думает. — Ничего не вижу! Никакой ткани!“ Однако он умолчал об этом.

Обманщики попросили его подойти поближе, для того-де, чтобы хорошенько рассмотреть красочный узор ткани, и принялись показывать пальцами в пустое пространство. Бедный старик только тарашил глаза, но никакой ткани не видел, потому что ее и не было!

„Боже мой! — подумал он. — Неужели я глуп? Вот никогда не подозревал! Но никто не должен об этом узнать. Или, может быть, я не справляюсь со своими служебными обязанностями? Нет, нельзя признаваться, что я не вижу ткани“.

— Ну, как ваше мнение? — спросил один из ткачей.

— Чудесно! Восхитительно! — ответил старик и сквозь очки устремил глаза на пустые станки. — Какой узор, какие краски? Я передам королю, что ткань понравилась мне чрезвычайно!

— Очень приятно слышать! — сказали ткачи и стали подробно описывать ткань — и краски ее и затейливый узор. Старый министр внимательно слушал, чтобы потом в точности передать королю их слова.

Ткачи потребовали еще денег, шелка и золота, — для того-де, чтобы продолжать работу. Но, получив все это, положили себе в карман, а на станках не появилось ни одной нитки. Попрежнему обманщики ткали на пустых станках.

Немного погодя король послал другого почтенного сановника

посмотреть, как подвигается работа и скоро ли будет готова ткань. Однако с ним случилось то же, что и с министром: он смотрел, но так ничего и не увидел, кроме пустых станков.

— Как хорош этот кусок ткани, правда? — воскликнули обманщики и принялись показывать пальцами на станок, расхваливая красивые узоры, которых и в помине не было.

„Я безусловно не глуп, — подумал сановник. — Но если так, значит, я не справляюсь со своими обязанностями? Вот так история! Однако я и виду не подам, что сам это понимаю. — И он принялся расхваливать ткань, которой не видел, уверяя что это настоящее счастье — любоваться столь чудесными красками и узорами.

— Прелестно! — сказал и он королю.

Весь город только и говорил, что о великолепной ткани.

Наконец, и сам король захотел поглядеть на новую ткань, пока ее еще не сняли со станков. С целой свитой избранных царедворцев, среди которых были и оба старых почтенных сановника, отправился он к хитрым обманщикам. А те „ткали“ с великим усердием, но попрежнему на их станках не было единого волокнца.

— Правда, великолепно? — воскликнули почтенные сановники, уже побывавшие здесь. — Не угодно ли вашему величеству обратить внимание на краски и узоры? — И они показали на пустой станок, уверенные, что все присутствующие видят на нем ткань.

„Что такое? — подумал король. — Я ничего не вижу? — Какой ужас! Значит, я глуп? Или я никуда не годный король? Это было бы хуже всего!“ Но вслух он сказал:

— Очень красиво! Подобное мастерство заслуживает величайшей похвалы!

И он с довольной улыбкой стал кивать головой, делая вид, что любит тканью, — ведь он не хотел признаться, что ничего не видит.

Свита его во все глаза глядела на станки, но видела не больше остальных; однако все твердили вслед за королем, что ткань превосходная, и советовали ему сшить себе из этой великолепной ткани платье для предстоящего торжественного шествия.

— О, как чудесно! Роскошно! Изящно! — слышалось со всех сторон, и все выражали полное удовлетворение.

Король наградил обманщиков орденом, приказав носить его в петлице, и пожаловал им звание придворных ткачей.

Всю ночь перед торжеством обманщики работали при свете шестнадцати свечей, ни разу даже не прилегли отдохнуть: ведь народ должен был видеть, что они заканчивают новое платье короля. Они сделали вид, что сняли ткань со станков, и принялись кроить воздух большими ножницами, а потом шить иглой без нитки.

— Ваше величество, внизу вас ждет балдахин. Его понесут над вами во время процессии, — доложил оберцеремониймейстер.

— Я готов! — отозвался король. — Правда, хорошо сидит?

И он снова повернулся перед зеркалом. Этим он хотел показать, что еще раз внимательно осматривает свой наряд.

Камергеры, которые должны были нести шлейф, стали хватать руками воздух, делая вид, будто поднимают шлейф с полу, а следуя за королем, не опускали рук, не желая признаться, что не видят никакого шлейфа.

И вот король шествовал в процессии под роскошным балдахином, а все люди, стоявшие на улицах и смотревшие из окон, говорили:

— Боже, как оно красиво, это новое платье короля! Как оно хорошо сидит! Какой чудесный шлейф у мантии!

Ни один человек не хотел признаться, что ничего не видит, опасаясь, как бы не подумали, что он не справляется со своими служебными обязанностями или слишком глуп. Ни одно из платьев короля не имело такого успеха.

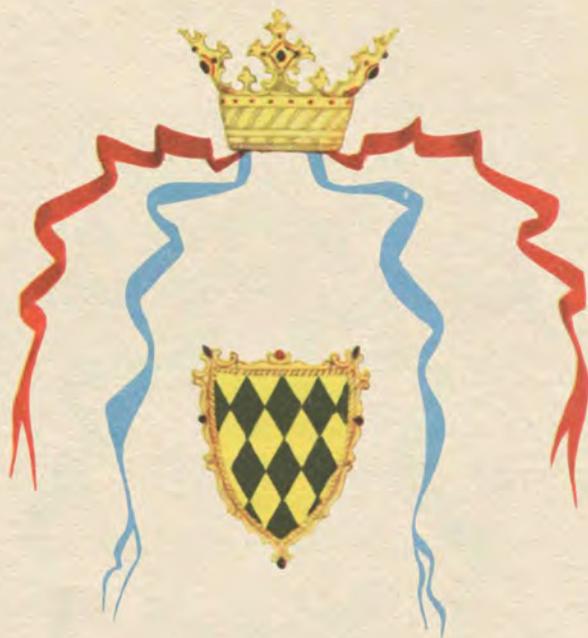
— Но ведь он голый! — воскликнул вдруг один ребенок.

— Послушайте-ка, послушайте, что говорит невинное дитя! — сказал его отец; и все стали шопотом передавать друг другу слова ребенка.

— А король-то голый! Ребенок говорит, что на нем ничего нет!

— На нем ничего нет! — закричал, наконец, весь народ.

Король содрогнулся — ему показалось, что люди правы, однако он все же решил довести церемонию до конца. И он принял еще более гордый вид, а камергеры шли за ним следом, притворяясь, будто несут шлейф, хотя на самом деле никакого шлейфа не было.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОЛОВЕЙ	3
ОЛЕ-ЛУКОЙЕ	15
ОГНИВО	29
СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА	37
ДЮЙМОВОЧКА	67
НОВОЕ ПЛАТЬЕ КОРОЛЯ	79

АНДЕРСЕН
СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА И ДРУГИЕ СКАЗКИ
Перевод с датского А. Ганзена
Технический редактор Г. Русафов
Корректор Г. Костова
Формат 1/8 70/100
Тираж 100,000
„НАРОДНА МЛАДЕЖ“
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ДКМС

Цена 0'80 коп.

